Маг для бастарда

Автор:
Вера Чиркова

Маг для бастарда

Вера Андреевна Чиркова

Маглор #1

Все, о чем мечтал юный маг, отрабатывающий практику в человеческих землях, – это место мага в небольшом поместье, где хорошо кормят и не мешают заниматься исследованиями.

Но судьба в лице королевы и ее советников распорядилась совершенно иначе. И теперь ему предстоит приложить все усилия, чтобы не провалить контракт, не потерять мантию маглора и не оказаться побежденным капризной девчонкой, сумевшей выжить уже четверых его коллег.

А в награду за все это ждет еще более опасное задание, куча таинственных врагов, неожиданные находки и потери и робкая пока надежда на любовь. И только от мага зависит, сумеет ли он наперекор всему найти свое счастье.

Вера Чиркова

Маг для бастарда

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Господин Иридос! Господин Иридос! – Истошно-счастливый вопль Ганика застиг меня на середине лестницы, в самый ответственный момент застегивания штанов, и пуговица, еле державшаяся уже дня три, от испуга оторвалась и весело запрыгала по крутым вытертым ступеням вниз.

Убью. И в садике прикопаю. А сверху куст роз посажу, чтоб хоть какая-то польза была от этого заполошного! Вот сколько раз я ему объяснял, как нужно обращаться к хозяину, когда приходят солидные клиенты?!

Вежливо, с почтением и трепетом!

Дабы эти клиенты заранее прониклись пониманием и уважением и с ужасом начали подсчитывать, хватает ли у них в кошелях монет на оплату такого важного специалиста.

Хотя, пожалуй, нет. Не буду убивать. Немного безрассудно такое деяние с моей стороны. На дворе еще зима, ямку не так просто выкопать, придется потратиться. Да и матушка его, особа столь же горластая, как и мой служка, и не в пример более пройдошливая, взяла с меня вперед оплату до весны, аргументируя свое деяние крайне малой суммой жалованья, каковое я мог предложить. И вполне может весной заявиться за своим рыжим сокровищем. Я лучше его сдам, по объявлению мэра, снег на дорогах расчищать – и ему будет бесплатная кормежка, и мне прибыль. Рассуждая так хозяйственно, я добрался наконец до последней ступеньки и нос к носу столкнулся с предметом своих размышлений.

– Господин маглор Иридос! К вам приехали! На санках! – Голубые глаза рыжего мерзавца сияли таким счастьем, что мне сразу стало понятно: о хорошем гонораре можно позабыть, как и о недавних надеждах на теплую и бесснежную зиму.

– Иди на кухню, – холодно обронил я, бросив на него один из самых грозных своих взглядов, и до простака наконец-то дошло, что он сделал все не так, как ему было приказано.

Но зря я надеялся на раскаяние, просьбу о прощении или хотя бы испуг. Этот паршивец состроил самую ехидную из своих ухмылок, развернулся и, независимо насвистывая, вразвалочку поплелся в сторону, противоположную кухне. Знает, пакостник, что я не буду кричать на него при потенциальных клиентах. М-да, похоже, все-таки пора его отдать на общественные работы. Ну а не получится – тогда прибить, все выгоднее, чем кормить и терпеть его глупые промашки.

– С кем имею честь разговаривать? – вежливо поинтересовался я у статного широкоплечего господина в сером добротном плаще, богато отделанном черным мехом, терпеливо ожидавшего в маленькой прихожей.

– Фнидлих тер Кринтес, офицер по особым поручениям ее величества Альбионы Четвертой. Приказом ее величества уполномочен доставить вас, маглор Иридос, в зимний дворец ее величества вместе с личными вещами и ценным имуществом. Слуг и камердинера можете взять с собой, у ее величества есть для вас задание за пределами столицы. Поторопитесь, у вас на сборы сорок минут. Дорогу занесло, нужно выехать пораньше, иначе не доберетесь до темноты.

Несмотря на его неукоснительно вежливый тон и предельно четкие объяснения, я не мог отделаться от мысли, что он надо мной исподтишка надсмехается, да что там надсмехается – почти издевается! Но снимать шапочку с вшитой в подкладку серебряной сеточкой ради такой мелочи вовсе даже не подумал, каждый человек имеет право на личные мысли, мнения и суждения.

Да и не стоят его высокомерные мыслишки и потаенные желания моего внимания. Спаси святая пентаграмма! Послушаешь пять минут, а голова болеть будет час. Да если бы просто болела, можно потерпеть. Но ведь все это на

собственном родном организме отразится, чесаться станет в неожиданном месте или колоть. А то еще ужаснее – начнет мучить раскаяние по поводу выпитого украдкой штофа наливки, что ключница для пунша приготовила.

Потому-то я церемонно поклонился, стараясь донести до посланника кислым видом, что меня совершенно не обрадовало такое предложение, и строго крикнул:

– Ганимед! Покажи господину офицеру гостиную. И немедленно собери багаж, мы уезжаем.

– Благодарю вас, – с той же неуловимой насмешливостью еле заметно склонил голову посланник и направился за послушно вынырнувшим из чулана Гаником, на которого слово «уезжаем» оказало просто волшебное действие.

Могу биться об заклад, если бы оно прозвучало в единственном числе, Ганика мы не увидели бы еще полчаса самое малое.

М-да… Могу, но не буду, недостойно это представителя славного рода магов, – едко думал я про себя, составляя в саквояж свои главные ценности: хрустальный шар, фиалы и колбы с ингредиентами и зельями, зарядную пирамиду и шкатулки с камнями и рунами. Лекала для начертания малой пентаграммы я сложил в особый футляр, жаровенку, котелок и подсвечник в мешок и бдительно оглядел так недолго прослужившее мне помещение. Проклятые духи! Чуть не забыл магическое зеркальце, подарок матушки. Пришлось запихнуть вместе с лекалами, благо оно простенькое, тоненькое и много места не заняло.

Ну вот, пожалуй, и все. Как странно, я прожил тут почти год и вроде не бездельничал, а вещей не прибавилось. Даже, пожалуй, меньше стало, если припомнить статуэтку, разбитую мною об очаг в гневе на Ганика. Нет, ни в коем случае не магическую, но она была мне дорога как память о первом гонораре. У гончара не было мелких монет, чтобы заплатить за излечение ожога, вот и дал мне статуэтку. С небольшим изъяном, из-за которого ее невозможно было продать.

Дорога во дворец заняла больше получаса, невзирая на то, что лошади в возок были запряжены отменные, да и народ перед королевским выездом расступался значительно проворнее, чем перед обычными повозками и санями. Знали, что королева крута характером и считать сломанные ноги нерасторопных горожан не станет.

Миновав предупредительно распахнутые ворота, лошади помчали стоящий на полозьях возок с утроенной скоростью. Лихо развернули его у крыльца и встали, предоставив нам с посланником выбираться из его теплого, обитого мехом нутра на идеально вычищенные от снега мраморные плиты. Едва взглянув на это чуть затуманенное морозными разводами великолепие, я сделал незаметный жест пальцами, словно присыпая песком рукопись.

И не заботясь более ни о чем, зашагал к массивной двери, возле которой, исключительно по вине морозной погоды, не стояли бравые гвардейцы. Зато они смотрели на нас в круглые застекленные и зарешеченные оконца, прорезанные в обеих половинках двери.

– Сиди тут, – надменно скомандовал офицер по особым поручениям моему служке, наивно попытавшемуся проследовать за мной, – твой господин сейчас вернется.

Меня неимоверно заинтриговала эта фраза, и, шагая по мраморным плитам полутемного холла в сторону гардероба, я пытался ее расшифровать согласно своему жизненному опыту. Возможно, у ее величества для меня очень важное и секретное задание и меня приказано провести к ней сразу по прибытии? Но почему для такого задания не пригласили более опытного мага? Нас в столице не так уж мало. Или меня ожидает кто-то из спутников? А может, королева даже решила расщедриться на портальный камень и меня ждет дежурный маглор?

– Господин Иридос! – От дверей приемной, где всех просителей встречал обычно дежурный писарь, ко мне спешил невысокий полноватый господин в зеленом камзоле с нашивками старшего писаря. – Прошу вас, не раздевайтесь. Я все вам объясню за пару минут.

– Но мне сказали, что ее величество… – это был удар по моему самолюбию, и жестокий удар.

– Ее величество принимает посла и освободится не скоро. А предсказатели погоды обещают на ближайшие дни снегопады, времени терять нельзя. Вот пакет с предписанием и документами, вот аванс, – он протянул мне приятно звякнувший, но не слишком объемистый мешочек, – вот амулеты и камни.

Довольно увесистая шкатулка перекочевала в мои руки.

– Кучер и его помощник в курсе, куда вас отвезти, все остальное узнаете из бумаг. И помните, ее величество в вас верит и надеется, что вы это доверие оправдаете, а также сохраните все подробности своей службы в тайне.

Мне ничего не оставалось, как раскланяться с самым высокомерным видом и направиться назад к выходу, справедливо огорчаясь чрезмерной экономностью ее величества. По моему разумению, кошелек, выданный в оплату за секретное поручение, мог бы быть и поувесистее.

Едва я успел плюхнуться на сиденье, как возница выкрикнул свое «эгей!» и лошади рванули с места. Видимо, и в самом деле меня ждет нечто важное, подумалось в этот миг, и именно этот довод перевесил желание наслать на невежу-кучера понос или почесуху. Совсем немного перевесил, но возчика это спасло. Я лишь прикрыл плотнее дверцу и устроился поудобнее, укутывая ноги меховым одеялом и с сожалением вспоминая оставшийся на печи покинутой мною башни чесночный суп. Взять его с собой во дворец показалось мне в тот момент неприличным, а теперь я искренне жалел, что мнимые приличия возобладали над практичностью. Ведь стоило задержаться на две минуты и перелить суп в кувшинчик, сейчас можно было бы понемногу отпивать густую, горячую жидкость.

Часа через три я уже не просто вспоминал так неблагоразумно покинутый котелок, а всячески ругал себя, давая клятву никогда больше не поступать столь опрометчиво. Давно прошел тот послеполуденный отрезок времени, когда все благополучные подданные Альбионы Четвертой, вдовствующей королевы Сандинии, садятся за свои столы и воздают благодарение покровительствующим им богам за то, что те не забывают своих почитателей.

До сегодняшнего дня так же садился и я, а вот теперь мчусь куда-то, и неизвестно, где и когда буду обедать. Раскрывать же пакет, чтобы

удовлетворить свое любопытство в полумраке подпрыгивающих на ухабах саней вовсе не казалось мне самым верным решением, и я благоразумно отложил это действо до того момента, когда смогу устроиться в кресле рядом с очагом и свечой. Будут же у меня, надеюсь, кресло, очаг и свечи?

Ганик что-то потихоньку грыз, доставая из необъятных карманов, но потребовать, чтоб он поделился, я счел ниже своего достоинства и просто не обращал на него внимания.

Замедлять размеренный бег лошади начали примерно к тому моменту, когда солидные господа садятся за чай с бисквитом или соленым печеньем. Я попытался рассмотреть в заиндевелое стекло небольшого оконца, куда это мы приехали, но разглядел только унылую темную поверхность незнакомых стен.

– Прибыли, господин маглор, вам сюда, – довольно сообщил кучер. – Не забудьте багаж!

Лошади встали, и я, неуклюже распрямляя затекшие ноги, полез прочь из возка. Следующие несколько минут Ганик подавал мне сундучки, саквояжи и мешки, а я составлял их в сторонке, у мрачной каменной стены. Едва последний мешок вместе со служкой оказался на снегу, помощник возницы залез внутрь, захлопнул дверцу, и сани, развернувшись, умчались в мутную пелену усилившегося снегопада.

А я отыскал на узкой, обитой железными полосками двери молоток, и несколько раз ударил им в промороженное железо.

Подождал и ударил еще. И еще…

– Кого там принесло? – Грубый голос раздался откуда-то сверху, и, подняв голову, я разглядел в густой снежной пелене неприметное маленькое оконце, из которого торчала всклокоченная голова крайне недовольного мужчины. Наверняка я отвлек его от тех самых соленых крокетов, пронеслась в голове догадка и утонула под лавиной возмущения. Он, значит, уже чай пьет, а я еще даже не обедал и должен его жалеть?

– Маглор Иридос, по королевскому поручению! – ледяным голосом рыкнул я. – Открывай немедленно!

– Сначала доложу. – Мужчина ничуть не проникся важностью моего приезда, и я с невероятным удовольствием дал себе обещание, что нашлю на него понос.

Позже, когда он наконец впустит нас в тепло. Ганик совсем замерз, подобрался ко мне с подветренной стороны и тесно прижался к меху шубы. Я сжалился над мальчишкой, возможно, он сможет мне еще пригодиться, и бросил на него заклинание тепла. Совсем маленькое, но служка немедля повеселел, полез в карман и достал горсть жареной кукурузы. Как хорошо, что я не снизошел до того, чтобы попросить у него немного этого лакомства бедных детей, у меня на родине им кормят только индюков и гусей. При воспоминании о гусе он немедленно предстал передо мной в своем самом наилучшем виде. Лежащий вверх ногами на большом блюде, золотившийся прожаренной кожей и обложенный черносливом и румяными кусками картофеля, яблок и тыквы.

Дверь заскрипела и распахнулась, и мы с Гаником, собрав весь свой скарб, поторопились войти внутрь.

Здесь пахло жареным луком и кошками, светила в фонаре с отражающими стеклами большая свеча, и было сравнительно тепло. Но стражник, оказавшийся одетым в аккуратный тулупчик и меховую шапку, ошибочно принятую мной за лохмы, не остановился, а повел нас дальше, к противоположной двери. Мне пришлось употребить еще одно заклинание – сохранение вещей, так как Ганик постоянно ронял что-то из своего груза.

Дверь оказалась выходом во двор, через который к дому, еле видному сквозь круговерть все усиливающейся метели, вела полузанесенная снегом дорожка. Я с досадой скрипнул зубами и добавил силы в наложенное ранее заклинание. Откапывать здесь по весне свои вещи у меня не было никакого желания.

Глава 2

Несколько ступеней довольно высокого крыльца были почищены немного лучше, и едва мы на них взобрались, перед нами распахнулась половинка внушительной двери. Ганик, теряя мешки, ринулся туда первым, и мне пришлось собрать все свое хладнокровие и терпение, чтобы не достать его воздушной плетью и не

вернуть назад, дабы наконец научился вести себя как подобает слуге маглора, а не деревенскому пастуху.

Прихватив оброненные вещи на магический крючок, я втиснулся в прихожую, и дверь за мной немедленно захлопнулась и защелкнулась на засов. Заинтересованный таким ловким заклинанием, я повернул голову и обнаружил сухощавую мадам неопределенного возраста, изучающую меня в упор.

– Я маглор Иридос, – с достоинством сухо сообщил я ей и приосанился.

Знаю я этих дам, судят обо всех по первому взгляду. И что именно сейчас она видит перед собой, тоже отлично знаю – сам каждое утро вижу в зеркале, причесываясь. Стройного молодого человека чуть выше среднего роста, не старше двадцати лет (хотя прошлым летом мне исполнилось двадцать пять), со свежим кареглазым лицом и редкими веснушками на скулах. Ну, про каштановые, чуть отливающие медью волосы можно умолчать, их сейчас не видно из-под наброшенного капюшона, как и про отсутствие любимых людскими мужчинами усов и бороды. Не растут на лицах магов такие неопрятные заросли, и ни один из нас об этом не жалеет.

– Я мадам Радолия, домоправительница, – наконец соизволила произнести она так же сухо, – идите за мной. Вам приготовлены комнаты в башне.

И мы пошли. А что еще нам оставалось делать?

Утешило и примирило с оказанным мне приемом одно немаловажное наблюдение, сделанное мною, едва домоправительница распахнула дверь, находящуюся в самом конце второго этажа. В комнатах оказалось натоплено, и это означало, что меня тут ждали.

Да и первый взгляд на комнату не разочаровал. По правую руку, возле глухой стены, выпирала облицованное изразцами пузо солидная печь с двумя топками, закрытой и каминной, а перед ней стояли удобные кресла и стол. Под окнами стояли напольные вазы, в простенках кушетки с меховыми подушками, на полу лежало несколько мохнатых шкур. В ближнем левом углу стоял шкаф, а за ним притаилась вешалка. В простенке между правым углом и печью виднелась окрашенная в цвет стен дверь.

– Там комната для слуг, столовая и лестница в ваши комнаты, – так же сухо произнесла мадам Радолия, указывая на эту дверь. – Располагайтесь. Ужин в восемь вечера.

– Но мы не обедали, – возмущенно сообщил я, – мне велели выехать срочно!

– Я прикажу принести вам перекусить, – в ее взгляде промелькнул слабый огонек сочувствия, а я нахмурился. Жалость – это чувство, какое я просто не выношу по отношению к себе.

Раз все мои родственники и знакомые смогли прожить в этом ужасном королевстве по двадцать лет, значит, смогу и я. Тем более осталось уже всего девятнадцать.

Мадам развернулась и прошествовала к двери той неподражаемо важной и бесшумной походкой, какой ходят, как я успел заметить, все служанки, достигшие достаточно высокого положения. В своей профессии, само собой. Я проводил ее взглядом и решил, в ожидании обещанной закуски, осмотреть до конца свое жилище. Сделал один шаг, и споткнулся о собственные вещи, грудой сложенные посреди комнаты. Причем того шалопая, который должен был носить их на место, поблизости не наблюдалось. И поодаль тоже. Зато приоткрытая дверь в те помещения, каких я еще не видел, красноречиво свидетельствовала о направлении, в каком этот оболтус исчез.

И почему мне только сейчас пришла в голову мысль, что зря не оставил его в столице? Раз я теперь получаю жалованье, следовательно, могу себе позволить настоящего слугу. Выученного, молчаливого и исполнительного. У меня даже возник перед мысленным взором прекрасный образ этого аккуратного и незаметного человека, но полюбоваться как следует я не успел. За дверью что-то упало, напомнив мне о том, что пока я тут мечтаю, мой поганец Ганик уже ломает хозяйские вещи.

Я перепрыгнул через сундук и ринулся на грохот, прихватив с собой только самое ценное.

За дверью обнаружились небольшие сенцы, и из них во все стороны вели двери. Хотя нет, в одну вела не дверь, а лестница. Деревянные, крашенные суриком ступени находились прямо против двери, в которую я вошел, и уходили вверх, к

стрельчатому окну с массивными двойными переплетами и разноцветными квадратиками стекол. Возможно, в солнечную погоду это и было красиво, но сейчас навевало уныние и стремление побыстрее вернуться к теплу печи. Однако я пренебрег своими желаниями и продолжил осмотр. Налево вела двустворчатая дверь, застекленная в верхней части такими же цветными квадратиками, как и окно, и этого было достаточно, чтобы сказать с уверенностью – это и есть столовая. Но туда я пока не пошел, меня привлекла неширокая скромная приоткрытая дверь по правую руку.

Как я и предполагал, это оказалась та самая комната для слуг, и в ней было довольно уютно. У стен деревянные добротные кровати, у окна стол и два табурета, сразу возле двери шкаф, а за ним маленькая дверца в то место, без которого, к сожалению, не могут обходиться даже маги. Очень неплохо устроены тут слуги, что и говорить.

В первые дни, когда я только прибыл в столицу и искал себе недорогое жилье, мне предлагали гораздо более скромные комнаты. Это были не самые приятные для меня времена, но сейчас я вовсе не намерен предаваться воспоминаниям. Гораздо больше меня интересует, чем таким важным занят Ганик, что пренебрег своими обязанностями и не таскает наверх мой багаж.

Ворох одеял на одной из кроватей зашевелился, и я обнаружил наконец свою пропажу и выяснил причину грохота. Один из стульев лежал на боку. Я даже догадался, чем таким был занят мой слуга, что опрокинул стул. Паршивец стаскивал на кровать, что выбрал для себя, все перины, подушки и одеяла. И совершенно не заметил моего прихода.

– Вылезай оттуда, Ганик, – нехорошо ласковым голосом произнес я, – и иди таскать наверх мой багаж. А потом придешь и вернешь все подушки и перины на место. Я собираюсь нанять себе более воспитанного лакея, и он займет здесь лучшее место.

– Почему? – насупился наглец. – Я же первый у вас начал работать.

– Работать ты еще не начинал! – строго отрезал я. – Ты пока только испытываешь мое терпение. А займет он лучшее место, потому что будет считаться камердинером. А ты – простым служкой. И то только до первого серьезного замечания. Потом я отправлю тебя к матушке.

– А у нее уже нет денег, – нагло задрал он нос.

– Об этом я осведомлен, и готов скорее понести убытки, чем терпеть твое вопиющее упрямство и лень.

Я развернулся и направился в сторону лестницы, пребывая в полной уверенности, что теперь он дня два будет вести себя как шелковый. По пути прихватил мешок с лекалами и самыми хрупкими вещами. Лень, как я выявил на примере Ганика, очень изобретательна. И теперь догадывался, что мальчишка, чтоб не подниматься по лестнице несколько раз, обязательно попытается утащить сразу все. Дойдя до окна, я обернулся и тайком бросил на два сундука кратковременное заклинание неподъемности. Проще потратить крупицу силы, чем моток нервов, объясняя слуге, что он не муравей, и три своих веса унести не сможет до тех пор, пока не накачает мускулы или не станет магом. Хотя последнее категорически исключено. Нет в нем даже той крупицы, что бывает в человеческих знахарках.

От окна лестница круто повернула налево, и вскоре я стоял на огороженной с одной стороны перилами крошечной площадке, где были еще две двери. Толкнув ту, что была напротив ступенек, я понял, что готов вернуться в столицу, чтобы поблагодарить королеву за сделанное предложение. До этого момента я не мог даже мечтать, что у меня может быть своя собственная лаборатория. Вернее, я знал, что она когда-нибудь появится, но был уверен, что не раньше чем через десять лет. Хотя бывали случаи, когда маги возвращались на родину, так и не дожив до этого счастливого дня.

Положив в уголке свои вещи, я вышел прочь и запер дверь торчавшим в замке ключом, а затем тщательно зачаровал его от утери. И только после этого двинулся ко второй двери, той, что была в тупичке. Вот это оказалась спальня, и она мне понравилась. Довольно широкая кровать, объемистый шкаф, маленький столик у окна и зеркало в углу. А также горячая печь, являвшаяся, по моему мнению, продолжением той, что красовалась в гостиной. Ванная комната, вход в которую я обнаружил в углу между шкафом и кроватью, порадовала меня наличием горячей воды, несколькими банными халатами и мягкими тапочками.

Я ходил по выделенным мне покоям и ликовал. Хотя этому жилью было далеко до моего родного дома, но еще дальше было до крошечной башни, которую я снимал в столице и за которую был обязан не только платить деньги, но и следить, чтобы во всем доме не заводились крысы, мыши и мелкая нечисть.

Жаль только, что вместе с радостью росла в душе присущая всем магам подозрительность и все громче подавал голос здравый смысл. Не настолько я самонадеян и самоуверен, чтобы считать себя лучше остальных, обитающих в столице магов. И хотя у нас считается правилом дурного тона хвастать своими успехами или жаловаться на неудачи, я изредка встречался с ними в лавках травника и ювелира, слышал рассуждения слуг и торговцев на рынках и в лавках, видел обтрепанные мантии и голодный блеск в глазах. Оттого и понимал, что от такого жилья не отказались бы многие из них.

Вот тут мне и пришло вдруг в голову, что кроме жилья и жалованья взявшему контракт маглору полагаются еще и обязанности, и я, холодея от предчувствий, принялся обыскивать карманы в поисках пакета.

– Господин Иридос! – завопил на лестнице Ганик. – Вы где?

– Здесь, – отозвался я, глядя на печати из черного воска и серебряные шнуры, – неси вещи сюда.

– А тут дверь не открывается.

– А ты неси в ту, что открыта, – свирепея, предложил я, – моя спальня здесь.

– А там что? – появился в дверях парнишка, нагруженный моим скарбом.

– Туда тебе входить нельзя, – строго отрезал я и тут же понял, что теперь он только и будет мечтать, как проникнуть в лабораторию, – там я случайно разбил склянку с ядом. На кого он попадет, тот станет крысой.

В его глазах отразилась напряженная работа мысли. Паршивец явно прикидывал, кому на свете живется легче – ему или крысам? И боюсь, вывод он все-таки сделал неверный.

– Иди за остальным, потом разберем, – выставив его из комнаты, я создал светлячка и распечатал конверт.

Первый раз бегло пробежал глазами текст контракта, торопясь выхватить самую суть, затем, не поверив самому себе, перечел более внимательно. Пару минут

посидел, приходя в себя, и начал читать снова, пытаясь найти хоть малейшую лазейку, дававшую мне возможность немедленно отказаться от этой должности.

Тщетно.

Я так ее и не нашел.

В контракте четко было сказано, что едва я возьму аванс и сяду в возок, чтобы отправиться к месту своей новой службы, договор считается заключенным, а я – приступившим к обязанностям. И неустойка, каковую я должен уплатить, если все же передумаю, намного превышала сумму моего жалованья за три года. Впрочем, думать об уплате даже не приходилось, я и месячной-то не смог бы наскрести.

Но обиднее всего было то, что меня банально провели. Теперь я не сомневался – все было тщательно подстроено, и характер мой люди королевы изучили досконально, и про финансовые трудности вызнали. Даже погоду такую выбрали специально. И все это могло значить только одно. Никого другого из моих сородичей уговорить на это выгодное место королеве не удалось.

Я тихо скрипнул зубами, закрыл глаза и начал читать про себя мантру спокойствия. Попутно пытаясь припомнить несколько поговорок или мудрых правил на подходящую случаю тему. Что-то мало чего вспоминалось, особенно утешительного, зато всплыли в памяти слова отца.

– И запомни… – сказал он значительно, но в тот момент я был так расстроен, что не попал в десятку избранных, что не особенно слушал, даже странно, что теперь вспомнилось, – нет людей, которые не ошибаются. Но выигрывают те, кто сумеет из своей ошибки сделать выводы. И найти в любой ситуации особые преимущества.

Мантра окончилась, и я иронично фыркнул – никакого спокойствия что-то не добавилось. Зато появилось жгучее желание наслать на всех, кто помог мне вляпаться в эту лужу, не простую почесуху, а нечто изощренное, такое, чтоб подлецы на коленях приползли прощения просить и всю жизнь потом вспоминали. Тут я вспомнил, что недавно хотел благодарить королеву, и желчно ухмыльнулся. О да, я ее отблагодарю. Теперь уж никогда не позабуду.

И постараюсь больше не забывать советов родителя, поскольку у меня не остается иного выхода, как делать хорошую мину при плохой игре.

Хотя… хорошая будет слишком просто. Я буду делать загадочную. Или лучше все же невозмутимую? А может, просто продолжать играть наивного простачка, каким был до сих пор? Нужно будет подумать. Но одного делать я не стану точно: показывать кому-либо из обитателей этого места, что расстроен своими новыми обязанностями. В конце концов, не такие уж они и трудные.

Всего-то и нужно, что следить за бастардом. Ну так что же? Что он, не человек, что ли? Конечно, ответственно и, разумеется, неприятно, что придется писать отчеты. Но ведь там нигде не стоит слово «донос»? И нет уточнения, до каких интимных подробностей личной жизни распространяется эта слежка. А значит, я сам вправе устанавливать границы. И тогда мы еще посмотрим, кто выйдет победителем в этом незримом поединке.

Но, во всяком случае, у меня теперь нет необходимости в ближайшие пять лет волноваться, что я буду есть на завтрак и чем заплачу за квартиру. Да и дрова, и все прочее… Как там сказано – на полном довольствии? Я достал контракт и внимательно прочел еще раз, хотя и так помнил наизусть. А потом тщательно зачаровал, спрятал в карман и шагнул к двери. Интересно, куда пропал мой слуга?

– Господин Иридос! – Ганимед уже мчался навстречу, прыгая через ступеньку. – Там… это… обед принесли!

– Обед уже принесли, а ты мои сундуки еще не убрал, – холодно обронил я, неторопливо направляясь вниз по лестнице. – Значит, ничего не заслужил. Мне очень жаль.

– Так они же не поднимались… – попытался он оправдаться, но я отлично видел, что заклинание уже опало.

– Попробуй еще раз. И возможно, я тебе оставлю кусок хлеба.

– Ладно, – уныло буркнул Ганик, провожая обиженным взглядом, хотя отлично знал, такие взгляды на меня не действуют.

Если бы я верил его взглядам, он вообще бы мне на шею сел и не испытал при этом никаких угрызений совести. Как не испытывает их ни один житель королевства, пользуясь за бесценок услугами магов. И все потому, что существует проклятый закон. Но поскольку тут поделать ничего нельзя, лучше и не вспоминать.

Столовая оказалась под стать остальным комнатам – хоть и небольшая, но удобная и уютная. Возле обогревателя печи, выходящего сюда выступом, лежал ковер и на нем стояли небольшой диванчик, чайный столик и кресло. В дальнем углу высился внушительный буфет с торчавшими из замка ключами, а рядом с окном расположился обеденный стол и четыре стула. Первым делом я прошел к буфету, заглянул внутрь и обнаружил в одном из отделений припас сладостей и сухого печенья к чаю. Разумеется, я немедленно запер их и повесил ключ на пояс, нисколько не сомневаясь, что Ганик уже успел изъять свою долю. В подобных вопросах юный прохиндей был чрезвычайно ловок и проворен.

И только после этого я сел за стол и поднял салфетку со стоявшего посредине подноса. Высокий кофейник с горячим кофе порадовал меня невероятно, а еще тут был полный сливочник и блюдо, где лежало несколько больших кусков разогретого на сковороде капустного пирога. Еще тарелочка с ветчиной, масленка с приличным шариком масла и плетенка с хлебом. Хм, а может, все не так уж и плохо?

Ганик явился, не успел я прожевать и первого откушенного куска, и встал у стола немым укором моей совести. Брать что-то без разрешения со стола я его отучил еще в первые дни службы, и сделал это очень показательно. Теперь он считает возможным лишь совершать налеты на буфет, зато никогда больше не вылавливает мясо из моего супа и не вытаскивает начинку из пирогов.

После принятого мною решения в отношении контракта я успел пересмотреть и некоторые преждевременно сделанные заявления и счел нужным пока воздержаться от найма второго слуги. Не стоит думать, что мне не попытаются подсунуть соглядатая, так зачем самому копать себе яму? Если я ее и так достаточно глубокую выкопал, причем без малейших усилий со своей стороны.

Хорошенько прожевав пирог, я проглотил его, запил кофе, вытер салфеткой рот и, взяв чистую тарелку, вилкой положил на нее пару кусков пирога, несколько ломтей ветчины и кусочек масла, старательно деля продукты таким образом, чтобы мне осталась большая порция. Может, это и некрасиво выглядит со

стороны, но меня мало волнует мнение любопытных бездельников и сплетников. Зато я точно уверен, что, получая еду таким образом, прохиндей хотя бы не заработает заворот кишок и мне не придется его лечить. Ганик ведь все равно доест потом остатки, хотя я старательно делаю вид, что и не подозреваю об этом.

Кофе он налил себе сам, в добытую из буфета кружку, и, разумеется, доливая сливки, постарался налить побольше.

– Сколько раз говорить, чтоб не жадничал? – сердито глянул я на мальчишку, но пальцем все же шевельнул, чтобы напиток не пролился, пока он несет еду на маленьком подносе в свою комнату.

И не его я пожалел, не хватало мне жалеть такого прохиндея. Просто не захотел портить чистоту и уют своего нового жилища жирными пятнами пролитых сливок.

Пить вторую чашку кофе я отправился в гостиную, к печке. Принес из буфета вазочку с соленым печеньем и попутно убрал туда оставшиеся масло, сливки, ветчину и хлеб, обнаружив, что в капустной начинке пирогов полно крутых яиц и гусиных шкварок, делающих их очень сытными. Удобно устроился в кресле, но едва успел выпить полчашки, как раздался уверенный стук во входную дверь, и на мое «войдите» на пороге появился мужчина средних лет, худощавый и подтянутый. Одет он был в штатское, но камзол и бриджи сидели на его жилистой фигуре так ловко, словно это была форма.

– Я Догар Саридж, комендант крепости, – суховато представился он. – Вы – маглор Иридос?

– Очень приятно, – вежливо кивнул я в ответ, рассматривая мужчину самым благожелательным взглядом, и достал из-за ворота именной медальон. – Именно так.

– Не могли бы вы показать мне контракт?

– С каких пор королевские контракты подлежат проверке? – добродушно поднял я бровь и глотнул из чашки, незаметно дунув в нее и тем самым активируя заклинание невозмутимости. – Хотя мне не жаль. Но только из моих рук.

Достал из кармана распечатанный конверт, вынул оттуда контракт и помахал перед его лицом.

– Дать его вам я не могу, так как привык сразу защищать ценные документы. Да вы садитесь! Хотите кофе? А заодно расскажете мне подробнее о здешних порядках.

– Благодарю, – Догар Саридж устроился напротив и уставился на меня изучающим взглядом, – кофе не нужно, мы недавно пили чай. Насчет здешних порядков… Как вам, наверное, известно, находимся мы в крепости Хиз-гамерт, недалеко от Хизарского залива и в двух днях пути от столицы.

Я только сухо кивнул, отметив про себя, что ее величество меня обманула еще раз. В какой момент возчики проскочили в портал, я не засек, занятый мечтами о покинутом супе, но признаваться в своей оплошности этому коменданту с пронзительными глазами вовсе не желал. Как и устраивать истерику или предъявлять претензии. Все справедливо, меня предупреждали, что людям верить на слово нельзя. Нужно по семь раз читать и перепроверять контракты и прочие важные бумаги. И раз уж я попался, как последний ученик, нечего вести себя, как истеричная дама. Но зато никто не может отобрать у меня право отомстить, и месть моя будет коварнее проводника по лабиринтам Унчугры.

– Крепость охраняет отряд королевских гвардейцев, но с жителями замка им разговаривать и иметь какие-либо дела запрещено.

– Разумно, – кивнул я и допил кофе. – Значит, в доме они не живут.

Он быстро глянул на меня с чрезвычайной подозрительностью и продолжил объяснения, а я только ядовито ухмыльнулся про себя. Не прошел номер, господин комендант! Вы решили, что я вознамерился использовать солдат для побега, и потому предупредили, что это не удастся. И наверняка ждали разочарования или отчаяния? Ну так я вас огорчу. Ничего этого я не покажу, даже если мне будет невмоготу. Не желаю никого радовать своими ошибками. Я с ними и сам как-нибудь разберусь, а на вас все же что-нибудь нашлю… но не

банальную почесуху. Вы же меня тогда на счет «раз» поймаете.

– Нет, они живут за внутренней стеной, там у них и казарма, и конюшни. А в доме живут, кроме меня и экономки, шесть воспитателей, три повара и шесть общих слуг. Еще маглор Ренгиус, он отвечает за охрану и лечение, и четверо воспитанников.

– Бастардов, – хладнокровно уточнил я, начиная недоумевать, зачем им еще один маг, если маглор уже есть.

Но вида, как и прежде, не подал. Неторопливо взял печенье и принялся бросать в рот маленькими кусочками, тщательно пережевывая. Это простое средство обычно очень успокаивает. Жующего.

– Господин Иридос! – Ганик с привычной заполошностью влетел в комнату и замер, обнаружив коменданта. – Там служанка спрашивает, – можно убирать со стола?

– Возьми все, что хочешь съесть, остальное пусть убирает, – строго проговорил я и мотнул головой: – Иди!

– Слушаюсь! – вовремя припомнил он, как должен отвечать воспитанный слуга, и ужом выскользнул из комнаты.

– Так на чем мы остановились, – с холодной учтивостью приподнял я бровь, – четверо бастардов и…

В контракте было сказано очень лаконично, что я нанят присматривать за внебрачным ребенком покойного короля Хендварда, по имени Мэлин дель Гразжаор.

– У каждого из троих воспитанников свой наставник, еще трое – учительница танцев и манер, учитель музыки и учительница географии и рисования. Трое остальных кроме наставничества дают воспитанникам уроки письма, математики и истории. Если вы сможете прочитать несколько лекций по одному из тех предметов, которые предписала изучить воспитанникам ее величество, то за каждый урок будете получать дополнительную плату.

– А маглор Ренгиус не дает уроков? – небрежно осведомился я и взял еще печенье.

Неужели коллега так хорошо тут зарабатывает, что пренебрегает несколькими серебряными монетами? Я, конечно, доверчивый лопух, но не до такой же степени!

– Дает, – нехотя процедил комендант, – учит распознавать яды и использовать противоядия. Но одному из воспитанников пока рановато показывать яды.

Я скромно промолчал. Его покойное величество был большим шалуном, и если бы королева не следила за ним столь бдительно, бастардов было бы раз в десять больше.

– Вам предстоит стать наставником для Мэлин дель Гразжаор, – безучастно произнес комендант, и в этот момент я неимоверно порадовался, что так предусмотрительно зачаровал свой кофе.

Насколько я знаю грамматику, имя воспитанника должно было бы звучать по-другому. Но делать преждевременные выводы я не стал, так же равнодушно кивнул и сунул в рот кусочек печенья. Не нужно торопить плохие известия, они и сами обычно спешат нам навстречу.

– Дальше.

– Ей семнадцать лет, – обреченно пробормотал комендант, – и она полная сирота. Бабушка, у которой воспитывалась Мэлин, умерла осенью.

– Кто был ее наставником до этого времени?

– Все понемногу, – невнятно сообщил он и встал. – Ужин в восемь, столовую вам покажут. Там и познакомитесь. А сейчас мне нужно идти – дела!

Он торопливо раскланялся и сбежал, и я не стал даже снимать шапочку, чтобы проверить свои подозрения. И так ясно, комендант испытывает сейчас огромное облегчение, что так достойно справился с непростым разговором. А вот мой счет к королеве стал немного длиннее, хотя я уже со всей ясностью подозревал, что

вписал сейчас далеко не последний пункт.

И хотя мне пока еще не до конца понятны некоторые тонкости подлой шутки, которую сыграла со мной ее величество, но и того, что я сумел сообразить, вполне достаточно, чтобы представить, как она сейчас веселится, что так ловко обстряпала это дельце. Потому что возиться с бастардом-мальчишкой хоть и неприятное, но допустимое занятие, а вот пытаться воспитать девчонку совершенно невозможно. Как с ней договариваться, если она начнет каждую минуту падать в обморок, рыдать, строить глазки и жаловаться на придуманные болячки? Как наказывать, если у нее от простого окрика начнут трястись губы и становиться страдальческими, как у невинной жертвы, глаза? Даже похвалить – если, конечно, найдется за что, – девчонку нельзя! Она же мгновенно решит, что за ней волочатся!

Вот что бы мне такое разбить или сжечь, чтобы хоть немного выплеснуть клокочущую в душе ярость на пронырливую королеву, наглого посланника, пройдошливого чиновника и подлых возчиков, один из которых, как я только теперь понял, телепортист?

Тот, что поехал назад в возке, а не в кабинке кучера. Но сильнее всего я зол на самого себя, прежде всего за то, что, как дитя, до сих пор жду от судьбы приятных сюрпризов. Впрочем, тут я не одинок. Кто же мечтает об огорчениях?

– Господин Иридос, – в гостиную опасливо заглянул Ганик, повертел головой, убедился, что гостя уже нет, и тогда только ввалился целиком, – там, в шкафу, есть одежда. Ее можно брать?

– Сначала я на нее посмотрю, потом решу! – свирепо рыкнул я. У меня тут такие неприятности, а он на брошенные кем-то тряпки польстился!

– А я уже принес, – паршивец достал из-за спины тугой сверток, видимо, права поговорка, что свои заботы всегда больше чужого горя.

– Показывай, – мрачно разрешил я, но едва разглядел штаны, в которых трудно было бы отыскать даже меня, ядовито усмехнулся: – Примерь!

Людям нужно наглядно показывать всю глубину их заблуждений, но и тогда истина дойдет далеко не до каждого. Проверено мною лично и неоднократно.

Тощий Ганик болтался в штанах, как одинокая картофелина в супе бедняка, но вовсе не думал сдаваться. Сноровисто подвязал поясом сверху, подвернул снизу, и с надеждой уставился на меня.

– Посмотри в зеркало, – едко посоветовал я ему, и он гордо шагнул в ту сторону, но тут же запутался в штанинах, оступился и едва не упал. – И зачем мне нужен слуга, который не может ходить?

– А я их отнесу матушке, она ушьет, – обрадовал меня остроумным ответом Ганик.

– Видишь ли, – холодом, прозвеневшим в моем голосе, можно было замораживать мороженое, – я не могу полмесяца обходиться без слуги. Мне проще сразу тебя уволить.

– Да я за ночь сбегаю, матушка быстро шьет.

– Ганик, – с сожалением глядя на него, осведомился я, – ты что, думаешь, мы недалеко от столицы? Да тут на повозке ехать не меньше четырех дней, а пешком ты будешь идти неделю самое малое. Нас провезли через портал, хотя ты, конечно, этого заметить не мог.

– Тут ехать два дня, – попытался вывести меня на чистую воду появившийся из входной двери подросток лет пятнадцати, бледненький и худой. Его единственным украшением были крупные завитки коротко стриженных каштановых волос, все остальное было невзрачным и унылым, как у выросшего среди сорняков растения.

И я никогда бы не опустился до разговора с этим малолетним невежей, но в нем была искра. Не так, чтобы яркая, нет, такая же бледненькая, как и все остальное. Но настолько это редкое явление среди чистопородных людей, что относиться к таким одаренным, как к обычным людям, просто неразумно. И только поэтому я счел возможным ответить наглецу.

– Для кого два дня? Для королевского возка, запряженного элитными лошадьми? А где у него такой экипаж? Правильно, нет. У него и самой чахлой крестьянской лошаденки нет. Только собственные ноги, обутые в подбитые рыбьим мехом

башмаки. Шубы у него, кстати, тоже нет, как и всего остального, что требуется для путешествия в столицу. Спального мешка, мешка с продовольствием, огнива, котелка… Впрочем, у него есть свобода выбора. Если он скажет, что увольняется, я и пальцем не пошевелю, пусть идет. Но сначала пусть положит в шкаф эти штаны, я пока не разрешил ему их брать.

– А ты злой, – хмуро сообщил мне незваный гость.

– Я маглор Иридос, – веско сообщил я, – а вот ты кто такой?

– А я Мэлин, – так же веско произнес гость, и я еще раз порадовался, что заложил в заклинание невозмутимости срок два часа.

Невероятно приятно обнаружить, каким предусмотрительным и разумным я умею быть, после того как судьба сунет меня головой в какую-нибудь гадость.

– Я справедливый, – задрал я нос еще выше, – приятно познакомиться. Не забывай, что с этой минуты тебе положено называть меня господин наставник.

– Но нас еще должны представить… – попыталась она спорить и ошеломленно вытаращилась, выслушав мой ответ.

– Отнюдь. Я считаюсь приступившим к должности с тех пор, как сел в возок, а ты моей подопечной с той минуты, как назвала свое имя. Зачем представлять тех, кто уже представился сам?

– И теперь ты мной командуешь?! Прикажешь бежать надевать платье?!

Возможно, я бы ответил утвердительно на оба вопроса… если бы плохо подумал. Но действие зелья продолжалось, и я был необычайно спокоен и благодушен. Прекрасный выход из положения, подумалось мне, и я небрежно пожал плечами.

– Мне все равно, как ты одета. Вернее, так даже удобнее, не будут путаться юбки, когда ты будешь бегать или падать в обморок. А к занятиям мы приступим завтра с утра. Когда у вас завтрак?

– Колокол в восемь, – неохотно буркнула она, развернулась и, не прощаясь, исчезла.

Отправилась придумывать, как побыстрее меня выжить, – совершенно отчетливо понял я по прищуренным глазам и поджатым губам. Ганик точно так же делает, когда изобретает очередную, особо пакостную каверзу. А кстати, что это он там притих? Пойти, что ли, проверить, а то придется потом расхлебывать последствия его проказ.

Я поднялся с места и отправился в комнату слуг, заглянув по пути в столовую. Там уже не было никаких следов трапезы, зато на столе появилась бежевая шелковая скатерть с кистями и ваза с тремя чахлыми цветочками, наверняка из оранжереи. Пытаются создать уют, значит, хотят, чтобы мне здесь понравилось, – ехидно хихикнул я про себя. Судя по тому, что бастарда оказалась далеко не подарком, остальные наставники давно отчаялись ее кому-нибудь спихнуть. Тем более что у девчонки есть небольшие способности, и я никогда не поверю, что она не пытается развивать их самостоятельно. Используя в качестве подопытных кроликов всех остальных. Точно так, как склонные к рисованию дети расписывают углем шелковые обои на стенах родительских гостиных.

Ганик нашелся в уголке кровати, накрытый с головой одеялом, и мне поневоле пришлось на минутку снять с головы шапочку мага. Ну вот, так я и думал, просто спит, а не переживает, что не получил штаны с чужой… в общем, ношеные.

Некоторое время я стоял в глубоком раздумье, решая – разбудить его немедленно или так спокойнее? И наконец, выбрал второй вариант. Я тоже устал за время дороги, перенервничал из-за контракта, и тоже хочу отдохнуть, хотя бы те два часа, что остались до ужина. А если разбудить Ганика, отдохнуть уже не удастся, ведь, выдавая ему работу, нужно строго контролировать, как рыжий прохвост ее выполняет, иначе потом уже ничто не поможет, кроме магии. Ну а тратить в человеческих землях силу направо и налево считается у нас дурным тоном. Не так-то легко в этих местах пополнять резерв даже маглору со званием мастера.

Но на стандартные сигналки, защитки и сторожки я все же магии не пожалел, ни на минуту не забывая, что в замке есть еще один маг, и, вполне вероятно, ему вменено в обязанности следить за мной и доносить. А потом задал себе время пробуждения, сдвинул в угол свои сундуки, и с чистой совестью лег спать.

Глава 3

В тот знаменательный момент, когда до моих ушей в первый раз донесся звон крепостного колокола, я был уже умыт, одет и причесан. Стоял перед зеркалом в спальне и надевал шапочку мага, такой же неотъемлемый атрибут наших одеяний, как и мантия. Или даже более важный. Если в мантию мы закладываем всего пару-тройку бытовых заклинаний от жары и холода и несколько защитных, то в украшенную камнями шапочку их вмещается более десятка. И защита нескольких видов, и отвод глаз, и подслушивание, и кошачий глаз – все, что сумеет накастовать хозяин. Но постоянно действует только одно – невозможность снять ее против желания маглора.

Надев шапочку, я оглянулся на шкаф и задумался. Дело в том, что, вешая туда свою заслуженную мантию, я обнаружил несколько чужих, и не все они были новыми. Стало быть, кому-то до меня уже удалось отсюда бежать… бросив все имущество. Я знаю только два способа, как это можно сделать, и оба терпеть не могу. Зато мантия мага, оставленная без присмотра на несколько дней, по негласному закону, принадлежит тому, кто ее первым найдет. Однако прежде чем взять хоть одну из шкафа, я должен быть уверенным, что до меня никто не предъявил на них свои права. Потому-то, в конце концов, и надел свою, но на шкаф надежную сторожку все же бросил, через неделю легко смогу проверить, стал ли я богаче.

– Господин маглор! – радостно встретил меня на лестнице Ганик, наряженный в свои самые лучшие штаны, всего с одной заплаткой. – Колокол звонил!

– В столовую слуги наставников не имеют права входить, – осадил я его. – Сейчас выясню, где тебя будут кормить – на кухне, или принесут сюда. Но сразу хочу предупредить, без моего разрешения через порог ты не пройдешь. Тут есть дети, и вот с ними тебе разговаривать нельзя. И играть – тоже. Они незаконные сыновья и дочери покойного короля, и королева сразу казнит каждого, кто к ним сунется. А я оставаться без слуги не желаю, все-таки уже заплатил за тебя.

– А тот… что приходил?

– Не тот, а та. Это Мэлин, дочь короля. И если тебя увидят рядом с ней, можешь начинать читать молитву. Только заранее сообщи мне, кому оставляешь в наследство свое имущество.

– Матушке, – растерянно пробормотал он.

– Как скажешь. – Я прошел мимо него в дверь и сделал замысловатый жест рукой.

Не знаю сам, что он означает, силу я не вкладывал. Но после нескольких прошлых попыток Ганику хватает и простого осознания, что ловушка есть.

На лестнице меня поджидал один из слуг, приветливо улыбающийся мужчина в голубой ливрее. Но с его простодушного лица на краткий миг глянули такие пронзительные глаза, что я похвалил себя еще раз за то, что едва встав с постели, обновил заклинание невозмутимости. Сегодня оно мне уже сослужило верную службу и, надеюсь, выручит еще не раз. Ведь уже понятно, что влип я не просто в болото, а в очень густонаселенное болото. Населенное предрассудками, запретами, этикетами, соглядатаями и прочими сопутствующими мерзостями. А надеялся, что буду в каком-нибудь поместье выводить мышей и тараканов.

– Столовая, господин маглор, – распахнув передо мною дверь, учтиво произнес слуга, но входить я не торопился, вспомнив про Ганика.

– А где ужинают слуги наставников?

– Рядом с кухней есть столовая для слуг. Но предупредите своего мальчишку, что входить на кухню главный повар никому не разрешает.

Еще бы он разрешал! – фыркнул я про себя. Небось на то же ведомство, что и ты, работает.

– Будьте добры, попросите кого-нибудь отнести ему еду в мою башню. Сам он выйти не сможет, мне нужно сначала уточнить, когда и куда ему можно ходить. – Я признательно улыбнулся и шагнул в столовую.

Дверь за моей спиной громко хлопнула, пожалуй, даже слишком. Сквозняк, наверное.

– Добрый вечер, господа, я маглор Иридос, – произнес я, рассматривая присутствующих.

Всего двое мужчин, одна дама и четверо детей. Почему-то мне казалось, что нас должно быть больше.

– Я Нувилия, преподаю этикет и танцы, – представилась в ответ сухощавая дама средних лет, со строгой прической бонны и с ажурной пуховой шалью на плечах. – А это дети – Мэлин, Степос, Азирт и самый младший Вакринт. Мы обращаемся к ним просто по имени. На ужин ходим по очереди, главное, чтобы нас было четверо.

– Я Траниг, наставник Степоса, преподаю грамматику, – полноватый мужчина смотрел на меня слегка настороженно.

– Я Этераер, преподаю музыку, – представился последний из господ, высокий и унылый. – Сегодня слежу за Азиртом.

Мальчишка лет десяти, которого назвали Азиртом, при этих словах пренебрежительно ухмыльнулся, но меня он мало интересовал, я изучал Мэлин. Она явилась на ужин в платье – довольно миленьком, сиреневом в редкий цветочек и с пышными оборками. И мне почему-то показалось, что этот наряд вызвал у воспитателей шок. Они старательно отводили глаза, словно увидели нечто неприличное.

– Очень приятно, – приподнял я шапочку и слегка склонил в учтивом поклоне голову, как бы благодаря за ознакомление, но на самом деле жадно вслушиваясь в их эмоции.

И сразу понял, что не ошибся. Они были изумлены, удивлены, озадачены и насторожены. Все, кроме пятилетнего Вакринта, заинтересованно поглядывающего на стол. Значит – опуская головной убор на место, сообразил я, – до этого момента она упорно ходила в мужских штанах? И мое замечание, что так даже лучше, сподвигло ее совершить подвиг, надеть платье? Как замечательно! Пусть всегда делает все наоборот, с этим я как-нибудь

примирюсь.

– Раз мы собрались, – скомандовала госпожа Нувилия, – давайте приступим к ужину, воспитанники отправляются спать в девять часов.

– Я хотел бы получить более подробный распорядок дня, – произнес я, наблюдая, как они усаживаются за длинным столом.

Одна лишь Нувилия села рядом с малышом, наставник Степоса, прыщеватого и меланхоличного подростка лет четырнадцати, сел напротив воспитанника, а музыкант – напротив бойкого Азирта. Следуя их примеру, я сел напротив Мэлин, посмотрел, как она кисло наблюдает за разливающим куриный суп лакеем, и небрежно заметил:

– Мне всегда казалось, что девушки не должны есть много мясного. От супов и жареного мяса они толстеют.

– Два половника, – тут же скомандовала бастарда добравшемуся до нее лакею, – и побольше фрикаделек.

Я лишь снисходительно пожал плечами, дескать, мое дело предупредить, и зачерпнул ложкой свой суп. Маленький зеленый лягушонок, выловленный мною из тарелки, смотрел слишком ехидно, чтобы я поверил в его реальность. И слишком вкусно пахло супом, чтобы эта маленькая иллюзия могла испортить мой аппетит. Я невозмутимо поднес ложку ко рту и развеял иллюзию лишь в тот краткий миг, когда загородил ее рукой от посторонних взоров.

Так что те, кто мог за мной наблюдать, никак не могли видеть, что в рот мне попала не обитательница болота, а кругленькая, сочная фрикаделька, которую я и разжевал с самым благодушным видом. И тут же убедился, что наблюдающие были: Степос сморщился и резко отодвинул суп, Азирт схватил стакан с соком и начал, захлебываясь, пить, торопясь задавить подступающую дурноту. Ну как всегда, снисходительно ухмыльнулся я, сначала копают яму ближнему или тому, кого считают слабее себя, а потом, когда сами в нее упадут, начинают обижаться. Но поразмыслив с минуту, с огорчением признал: если сейчас дети дружно побегут из-за стола, может начаться разбирательство, а мне это пока очень невыгодно. И с превеликим сожалением убрал у мальчишек и все нелицеприятные воспоминания об увиденном, и тошноту.

Мэлин, искоса пренебрежительно наблюдавшая за ними, разочарованно поджала губки и уныло принялась за суп. Я тоже спокойно ел, не опасаясь, что дрянная девчонка выкинет что-либо еще, резерв у нее и так был крохотный, а после этой демонстрации умений вообще стал почти незаметен. И это несколько огорчало, потому что до меня наконец начало доходить, зачем ей искали в наставники именно мага. Значит, придется учить управлять своими силами, сдерживать спонтанные приступы агрессии и отчаяния, тренировать усидчивость и терпеливость. Но порадовало другое: она уже самостоятельно достигла во владении иллюзией, истинно женской магии, заметного успеха, и это при ее-то крошечном даре. Стало быть, есть желание заниматься и упорство, а это половина успеха. А еще радовало понимание того простого факта, что мне не нужно с ней особенно миндальничать. Она первая объявила войну и теперь может не ждать снисхождения.

Я подставил лакею тарелку под второе, получил увесистый ломоть румяной и сочной свинины, запеченной с грибной подливой, картофелем и луком, посмотреть на которую и то подарок, и понял, что сражен наповал. После куска студня из коровьих ног с черствым хлебом, из чего состоял мой обычный ужин, я просто не смогу вернуться в столицу. Отрезав ломтик, я неторопливо положил его в рот, прожевал и удовлетворенно кивнул сам себе. Это и есть то, за что мне стоит бороться. И, следовательно, я принимаю вызов.

Больше ничем особенным этот ужин не удивил, а когда настенные часы коротко пробили три четверти девятого, воспитанники нехотя поднялись, буркнули что-то про спокойную ночь и поплелись к двери. Я провожал их внимательным взглядом, мне было чрезвычайно интересно, сами они расходятся по спальням или есть кто-то, кто следит за ними ночью. Лично я, если бы пришлось организовывать их быт, никогда бы не оставил бастардов без присмотра.

За широко распахнувшейся дверью обнаружилась четверка слуг в одежде одинакового голубого цвета – двое мужчин и две немолодые женщины, и я почти с умилением осознал, что в некоторых вопросах мы с ее величеством рассуждаем идентично.

– Уф, – едва дверь захлопнулась, сообщил музыкант и кивнул лакею, – подай бутылку вина, сегодня у нас счастливый день.

Я сполна оценил его юмор, но не пошевелил в ответ и бровью, потому что он был прав и пока даже не подозревал, насколько.

Вино оказалось полусладким и некрепким, и невозмутимо сделав глоток, я уставился на Этераера, подозревая, что меня хотят просветить насчет сюрпризов, каких следует ожидать от моей воспитанницы, но первым разговор начал Траниг.

– У нас есть традиция, – отпустив лакея, сообщил он, – как только приезжает новый наставник для Мэлин, мы заключаем пари.

Я только усмехнулся про себя. Господа наставники желают предупредить меня, чтобы не строил радужных планов? И что раз до сих пор никто не смог справиться с девчонкой, шансов, что мне повезет больше других, практически ноль.

– Да, – так и не дождавшись ответа, он сделал глоток, посмаковал напиток и насмешливо уставился на меня. – Вы не желаете, маглор Иридос, сделать свою ставку?

– Благодарю вас, – учтиво кивнул я, – но мои принципы… В общем, нет.

– Вы не поняли, Иридос, – кисло вздохнула госпожа Нувилия, – они, наоборот, ставят на вас. Вот сегодня в казне уже лежит три с половиной серебрушки, мы ставим по половинке в день. Если бы вы начали колотить в двери и требовать экипаж еще до ужина, эти деньги получили бы маглор Ренгиус и госпожа Айсора, они уверены, что все самые стойкие маги тут уже побывали.

– Отлично понял, – равнодушно пожал плечами я, – но играть с судьбой не имею желания.

– То есть вы сдались, еще не приступив к работе? – попытался подначить меня Траниг, чем вызвал приступ моего внутреннего хохота.

Я уже приступил, но могу себя похвалить за то, что никому этого не показал. И еще правильнее сделал, что обновил заклинание. Ну не одни же ошибки мне делать, сегодняшний день и так побил все рекорды в моей жизни по

совершению глупостей.

– Я бы с удовольствием послушал, – не отвечая на подначку, вежливо сообщил я, делая еще глоток, – какими методами воспитывали Мэлин мои предшественники.

– А нечего слушать, – печально призналась Нувилия, – она изловчалась выставить их, прежде чем кто-то из магов успевал развить какую-нибудь тактику. Причем она не повторяется, так что наши предупреждения вам не помогут.

– И все же, просто ради интереса? – продолжал настаивать я, понимая, что зря не согласился на пари, тогда хотя бы знал, кто желает моего выигрыша.

– Она изводила магов очень изощренно: наливала в кувшин в гостиной старый рыбий жир и обвиняла, что ее заставляют это пить, подстраивала собственное соблазнение, имитировала избиение, отрезала волосы и свалила это на наставника… Что же еще?

– Подожгла комнату, когда наставник запер ее в наказание за грубость, и выпрыгнула в окно, – подсказал Этераер. – Поэтому долго вам тут не удержаться.

Еще как удержаться! – саркастично пробормотал я про себя, только теперь в полной мере осознавая, почему в моем контракте такие странные условия увольнения по собственной воле. Ее величество прекрасно знала все подробности этих происшествий и больше не желала идти на поводу у строптивой девчонки.

Некоторое время присутствующие просвещали меня насчет предстоящих каверз и пытались склонить к игре, поставив на самого себя, но я не люблю так резко менять свои решения… без серьезных на то оснований. И потому упорно отказывался, составив о себе твердое мнение, что я непробиваемо самонадеянный и самоуверенный человек. Догадаться, что я просто загнан в ловушку контрактом, обстоятельствами и дурацким законом, по которому должен отработать тут двадцать лет, не сумел ни один из них. И в конце концов они отступили и разъяснили мне распорядок жизни в крепости. Незыблемый и неуклонный, в чем-то простой, а в некоторых деталях странный. Ночью

воспитатели за детей не отвечали, но если случалась особая ситуация, должны были немедленно бежать на помощь ночным няням.

Впрочем, няня имелась только у младшего бастарда. У всех остальных были камердинеры. Мэлин, само собой, прислуживала камеристка. Все слуги немолодые, хорошо обученные и немногословные. Днем они были предоставлены сами себе, обедали и ужинали в своих комнатах, когда пожелают, а ночью заступали на дежурство. Покои всех четверых бастардов выходили в один зал, и вот в нем камердинеры и сидели, время от времени проверяя своих подопечных.

Утром они будили детей, проверяли, как те умываются и одеваются, и ровно в половине девятого вели в столовую. Едва дети оказывались в столовой, их работа кончалась и начиналась вахта воспитателей.

Воспитателей, вместе с маглором Ренгиусом, положено было восемь, но поскольку место воспитателя Мэлин часто бывало свободным, они ввели график, по которому ходили в столовую и проводили занятия.

– Первую неделю мы вас включать в график не будем, – жалостливо вздохнув, объяснила Нувилия, – а то мы уже приспособились, потом снова разбираться. Просто приходите обедать и ужинать сюда, а завтрак можете просить в покои. Утром у старших детей четыре обязательных совместных урока, так что все равно все приходим сюда, а потом идем в комнаты для занятий. Чтоб было удобнее, уроки ведем по двое, а остальные сидят в комнате отдыха и присматривают за Вакринтом.

Меня все это отлично устраивало, и потому я не стал проявлять никому не нужное благородство и отказываться. Тем более намеревался прямо с утра заняться созданием универсальной сторожки, ни на миг не сомневаясь, что несносная девчонка сейчас не спит, а изобретает особо пакостный метод моего выдворения из этого чудесного места.

Глава 4

В свою башню я отправился после того, как выяснил, где кто живет. Оказалось, что все мы обитали в одном крыле, на всех входах в остальные помещения стояли решетки. На первом этаже располагались комнаты слуг, поваров, коменданта с домоправительницей и зал для тренировок – старших мальчиков дополнительно обучали владению мечом.

На втором – покои детей, комнаты для занятий и отдыха, столовая, покои воспитателей и две башни. Ренгиус занимал ту, что выходила окнами на парадное крыльцо и во двор, мне досталась дальняя, с видом на парк и на тренировочный дворик. Ближе всех к моей башне были покои Шангора, историка и воспитателя младшего бастарда. Как мне пояснили, он в свободное время писал какой-то труд по любимому предмету и потому не пришел со мной знакомиться.

Почему не пришли другие, объяснять никто не стал, а я и не собирался интересоваться. И так понятно: неинтересно знакомиться с человеком, который приезжает всего на полдня или на одну ночь.

Потому-то, расставшись с новыми коллегами, я и подходил к башне в полнейшем одиночестве, размышляя над проблемами, свалившимися на мою, несомненно, не бездарную, но несколько неосторожную голову. И заметил сначала сработавшую сторожку, а уже потом попавшую в нее добычу.

Разумеется, это была Мэлин, кто бы сомневался! Стояла в центре ментальной липучки, злая, как дикий кот, и метала в меня ненавидящие взгляды.

– Добрый вечер, госпожа Мэлин, – вежливо произнес я, предусмотрительно не подходя ближе. – Я очень опечален, что вы нарушили расписание ради того, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Поэтому сейчас вы заведете руки за спину, как преступник, и пойдете прямо в свою комнату, не отклоняясь с середины коридора ни на шаг.

К тому моменту как договорил эти слова, я как раз успел закончить распутывание липучки и часть ее бросил на бастарду, а конец нити прикрепил себе к руке. Это очень удобная ловушка, магии берет немного и может использоваться неоднократно.

– Гад, – процедила она, но я дернул свой конец нити, и девчонке пришлось шагать в указанном направлении – липучка колется, как крапива.

– Советую не обзываться, – мирно вещал я, следуя в пяти шагах за ней, – потому что молчать я не намерен и тоже буду говорить вам, госпожа Мэлин, все, что о вас думаю.

Судя по злобному сопению, слушать мои советы она была вовсе не намерена, но пока молчала, явно обмозговывая следующий выпад. Обдумывал его и я, все четче начиная подозревать, что у нее, в отличие от меня, слишком большой выбор хитростей и уловок. И как бы я сейчас ни напрягал свою изобретательность, переиграть эту интриганку мне не светит. И остается только самый простой, грубый и неэтичный, но действенный метод.

Я безнадежно вздохнул, снял на несколько секунд свою шапочку и наслал на девчонку легкое внушение. Всего-то пятой степени, чтоб хватило лишь на ближайшие полчаса. Затем аккуратно размотал липучку, спрятал на место, в шапочку, и, рассмотрев бегущие навстречу фигуры в голубых формах, строго произнес:

– Сейчас ты не скажешь ни слова, не сделаешь ни одного движения, а пойдешь прямо в свои покои.

– Мэлин! – возмущенно выкрикнула растрепанная дама лет сорока пяти, бросаясь к бастарде, и вдруг заметила меня.

Замерла, быстро переводя взгляд с бастарды на меня, очевидно решая, нужно со мной здороваться или пора уже прощаться. За это время Мэлин так же размеренно прошагала мимо нее, а за нею я, все на том же расстоянии.

Так мы прошли мимо двух других гувернеров и мимо неизвестно откуда взявшегося мага, невысокого, темноволосого и горбоносого, наблюдавшего за мной со спокойным интересом.

– Сейчас ты пойдешь в свою спальню, – нарочито ледяным голосом приказал я, – ляжешь в кровать и сразу уснешь.

Мэлин так же молча подошла к одной из дверей и скрылась за ней. Гувернантка ринулась следом, торопливо шепнув «спасибо».

– Спокойной ночи, – вежливо поклонился я присутствующим и с чувством выполненного долга направился назад.

– И как вы ее поймали? – негромко спросил вслед маглор.

– На липучку, – честно ответил я, догадываясь, что спрашивает он вовсе не из праздного любопытства.

Ему ведь наверняка тоже нужно отчет писать. Хотя я и сам не стану молчать… нет, это было бы верхом глупости.

– Второй раз она не попадется, – предупредил он вдогонку.

– Догадываюсь, – не оглядываясь, бросил я, просчитывая свои действия на ближайшее время.

Сначала, едва приду в башню, сразу опишу все выпады воспитанницы, до мельчайших подробностей. Пусть королеву и не начнет мучить совесть, на такое чудо даже я со всей своей наивностью не могу рассчитывать, но хотя бы прибавить мне жалованье она может?

А дописав отчет, немедленно начну делать то, что планировал на завтрашнее утро, – защищать свое временное жилище.

Закрывать все мыслимые и немыслимые места возможного проникновения шустрой бастарды я закончил далеко за полночь, ведь не такое это простое дело – сделать ловушку не на всех подряд, а на конкретного человека. И даже не одного. Увы.

Едва я приступил к работе, мне припомнились заинтересованные рожицы ее братиков, следивших за ужином, как я глотаю лягушонка, и я без колебаний включил в расчеты и их обоих, и даже малыша. Дети доверчивы, а Мэлин так пронырлива, что вполне может прислать его с каким-нибудь невинным

поручением. В том, что ей ничего не стоит на пару минут отвлечь на себя внимание всех воспитателей разом, я не сомневался ни секунды.

Попутно я поставил постоянную следилку на Ганика, отлично понимая, что в этой фатальной битве за место в уютном замке он самое слабое мое место. И невероятно пожалел, что не успел сдать его напрокат, как намеревался, службе мэра. Сейчас он чистил бы по утрам снежок, по вечерам портил нервы не мне, а своей ушлой матушке, и не нужно было бы тратить на него драгоценный резерв.

Покончив с намеченной работой, я отправился в лабораторию и внимательно осмотрел свои профессиональные владения. Посредине комнаты стоял большой удобный рабочий стол, именно такой, какой нужен магу. У стен три шкафа, в одном набор утвари для зельеварения, во втором – каталоги лекарственных препаратов, флаконы и горшочки со стандартными ингредиентами. В третьем, пустующем, я аккуратно разложил свои магические принадлежности, убрал вниз саквояж и наложил на все шкафы самую тщательную и строгую защиту, позволяющую прикасаться к самим шкафам, ключам и замкам только мне.

Ну да, параноик, согласен. И ничуть не стыжусь, наоборот. Те маги, кто не страдает этим недугом, долго не живут. По крайней мере, в человечьих землях.

После этого я зачаровал очаг, расположенный в одном свободном углу, и умывальник, приютившийся в другом, порадовался, что окно, возле которого стояло два обитых кожей кресла и чайный столик, закрывает кованая решетка, и чисто из паранойи бросил на нее сигналку и липучку. Тщательно запер лабораторию, защитил дверь и замок и отправился в спальню.

Но даже лежа в постели не переставал думать, каким бы еще способом я мог бы попытаться сам себя разозлить, скомпрометировать, унизить, оскорбить или вывести из терпения. То есть сделать одно из тех действий, после какого ни один уважающий себя маглор не видит ни единого выхода. Кроме двух: либо убить врага и уйти на родное плато, либо просто отказаться от контракта, невзирая на размер неустойки.

И, вспоминая, заносил эти способы в мысленный список, для удобства разделенный на лист «а», где были наиболее вероятные варианты, и лист «б», диверсии из которого мог бы совершить лишь маг со степенью магистра либо фея или привидение.

Заснул я где-то на пятнадцатом пункте из второго списка. И во сне за мной гонялись гигантские лягушки на шести лапах, из стен лезли стальные уховертки, а под потолком раскачивалась на невидимых качелях злая, как упырь, Мэлин и злобно кричала, что отправит меня в столицу пешком и не выдаст даже старых сапог.

Утром внутренний будильник разбудил меня за полчаса до звона колокола. Это непростое для меня решение – отказаться от предоставленной коллегами поблажки и отправиться на завтрак вместе со всеми – пришлось принять под гнетом непреложных обстоятельств. Поскольку вчера вечером я своими глазами убедился, что гувернантка не в силах совладать со своей подопечной, мне придется отныне следить за врагиней и днем и ночью. И это не такая уж большая жертва с моей стороны, если припомнить щелястые окна и прожорливый очаг столичной башни.

Умывшись и одевшись с особым тщанием, я направился к выходу, но на нижней ступеньке лестницы передумал и заглянул сначала в комнату Ганика. Еще ночью я заметил, что он не отнес остатки ужина, и решил проверить, верны ли внезапно посетившие меня предположения. Оказалось, что интуиция мага – безошибочная вещь, хотя бы в этом случае. Босой и нечесаный Ганик сидел на кровати в одних подштанниках и сноровисто вычерпывал из тарелки кашу с мясом, оставшуюся от вечерней трапезы.

– Доброе утро, – сказал я ему так ласково, что паршивец сразу забеспокоился, вытаращил глаза и, спешно проглотив кусок, закивал в ответ.

– Доброе утро… это… маглор.

– Тебе нравится, как здесь кормят? – еще приторнее поинтересовался я.

– Ага…

– Я вижу. И приносят столько, что даже ты не можешь доесть. Да и работы немного – печи топит истопник, кроме того отопления, что греет воздух, полы моет служанка, а обед готовит повар. На рынок ходить и мести дорожки тоже не нужно. Ну и насчет обустройства тоже все лучше некуда. Постель удобная, в комнате ты один, нужник не на улице… Я ничего не забыл?

– Не-а…

– Тогда вопрос: как ты думаешь, сколько ловких и послушных слуг я найду на твое место, если помещу объявление на стене биржи?

– Много… – уныло буркнул он, несказанно радуя меня редким приступом сообразительности.

– Вот именно. Но я решил повременить. Дать тебе последний шанс исправиться. И условий будет всего три. Думаю, даже тебе несложно запомнить. Первое – ни в коем случае, ни по каким вопросам не разговаривать с королевскими бастардами. Уточняю: даже если скажут доброе утро или спросят, где маглор Иридос, ты молчишь, как немой. Для тебя они невидимы и неслышимы. Второе правило. Ты не должен поднимать в этом замке с пола даже пуговицу. Тут люди живут по многу лет и у каждой пуговицы есть хозяин. И раз она лежит на полу, значит, там и должна лежать. И третье – отныне завтракать, обедать и ужинать ты ходишь в столовую для слуг и ешь только там. То, что положено к чаю, я сам поставлю в буфет. Никаких пирожков и пряников, даже хлеба ты не должен сюда приносить. Все понял? Повтори.

Он повторил довольно-таки связно и, как ни странно, ни разу не ошибся. Ведь может, когда прижмет! – восхитился я. Подождал, пока мальчишка оденется, и сам отвел его в столовую для слуг, строго-настрого дав слугам приказ насчет свертков и пообещав, что за нарушение наказывать буду не их, а Ганика.

Когда я выходил, на меня смотрело несколько пар неприязненных глаз, но я уже обновил заклинание невозмутимости и никак не отреагировал на их мнение. С унынием констатируя, что употребление заклинания грозит перейти в привычку. Очень скверную привычку, маглор должен беспрестанно тренироваться в управлении своим настроением, а заклинание расслабляет и сводит на нет результаты тренировок.

– Доброе утро, – учтиво и суховато поздоровался я, входя в столовую. Обвел взглядом присутствующих и, обнаружив незнакомые лица, представился: – Я – маглор Иридос.

Незнакомые коллеги встретили меня со значительно более живым интересом, чем вчера, а вот госпожа Нувилия смотрела с откровенным недоумением.

– Доброе утро, маглор Иридос! А почему вы так рано? Мы ведь вас освободили от завтраков, – заявила она, после того как представились ее двое коллег – пухленькая и живая госпожа Айсора, преподающая географию и рисование, и господин Шангор, седой и спокойный наставник Вакринта.

Маглор Ренгиус знакомиться не стал, только коротко кивнул. Значит, в курсе, что мне известно его имя.

Освободили они! – желчно ухмыльнулся я про себя, шагая к столу. Добрячки! Они от завтрака, а пронырливая бастарда тем временем освободит и от обеда с ужином… Нет уж. Пока я сам себя не освобожу, никто мной распоряжаться не будет.

– Я отлично отдохнул, – усаживаясь на вчерашнее место (отсюда хорошо видна дверь), вежливо отвечаю даме, – и хочу посмотреть, как у вас проходят утренние занятия.

– А вы знаете про пари? – Бойкие карие глаза географички смотрели на меня с надеждой.

– Да.

– Не желаете участвовать?

– Нет, спасибо.

– Как жаль, ведь вы имеете шанс сорвать банк.

– Я не азартен, – совершенно хладнокровно заявил я и поймал задумчивый взгляд маглора.

Наверняка заподозрил, что это неспроста. Ну да, по его ногтям я заметил, что он живет здесь не первый десяток лет, но сосчитать точнее пока не получается, хотя это и не важно. Сам я пока имею одну жалкую полоску на мизинце и потому

никогда не выставляю руки напоказ.

– Доброе утро! – Толпа бастардов и гувернеров ввалилась в столовую, и я сразу обратил внимание, что Мэлин оделась в мальчишеский костюм и почти не причесала слегка смоченные на лбу волосы.

А еще отлично рассмотрел ее взгляд, в котором при виде меня мелькнул такой букет чувств, что не приподнять шапочку я просто не мог.

Ну и ну! Сколько всего разом! Ненависть, ярость, сожаление и досада… Похоже, своим приходом на завтрак я сорвал какую-то неимоверно гадкую каверзу. Водрузив шапочку на место и моментально спрятав почти счастливую улыбку, я вежливо ответил:

– Доброе утро, – искренне радуясь ее мгновенно скисшей физиономии.

На завтрак была пшенная каша, желтая, разваристая и душистая. К ней предлагалась целая куча дополнений, куриные котлетки и мясной соус, сливки и масло, различные кремы, джемы и прочие сладости. Я выбрал более легкий вариант, положил в кашу кусок масла, дождался, пока оно растает, перемешал и полил кашу взбитыми с сахаром сливками. Увлеченно занимаясь своей трапезой, я не переставал бдительно следить за подопечной и заметил одну неприятно удивившую меня вещь.

Госпожа Нувилия, делая тактичные замечания Вакринту и старшим мальчикам по поводу того, как нужно держать ложку или брать еду с общего блюда, не сделала ни одного замечания Мэлин. И этому могло быть две причины: либо на девчонку все давно махнули рукой, как на неисправимую, либо боялись с ней связываться. Постановив для себя озаботиться этим вопросом позднее, когда смогу задать его без свидетелей, я предпринял собственные меры воспитания. Едва заметив грубую промашку Мэлин, взявшую котлетку рукой, на краткий миг уставился на нее с самой потрясенной гримасой и тут же уткнулся в собственную тарелку. Не переставая искоса поглядывать за озадаченно закусившей губу девчонкой, приметил и ее быстрый взгляд по сторонам, и то, как она на секунду замерла, обнаружив, что Азирт очень ловко положил себе котлету на тарелку специальной лопаточкой. Получается, ей просто ничего не говорили… Хотелось бы знать почему.

Больше до конца завтрака не произошло никаких достойных внимания событий, я лишь отметил, что завтракали все сосредоточенно и неторопливо, словно выполняли привычную, рутинную работу.

Закончив трапезу, мы нестройной толпой переместились в большую, как зал, комнату отдыха, расположенную напротив. Здесь уже было натоплено и светло от скрашивающих серость зимнего утра ламп, пол застелен большим ковром, а вдоль стен стояли диваны, кресла, столики и шкафы с книгами, играми и игрушками. Еще я обнаружил в противоположных концах этого зала три двери. Две неприметные с одной стороны и одна, широкая, с другой.

– Там умывальни, – пояснила, поймав мой взгляд, Айсора, – ближе к окну – женская. А вон там комната для занятий. Первый урок у меня, будет присутствовать маглор Ренгиус.

– Я тоже намерен присутствовать, – спокойно объявил я, – надеюсь, там хватает стульев, или мне нужно принести еще один?

– Как хотите, – почему-то слегка насупилась она. – А стульев там много.

Глава 5

Урок мне не понравился, но о том, что так и произойдет, я догадался еще при входе в классную комнату и потому виду не подал. Да и что может понравиться магу в рассказе о географии, если преподаватель стоит возле весьма приблизительно нарисованной на куске холста карте, где горы и реки только обозначены линиями, и размашисто водит по ней обшитой бархатом указкой?

Я и сам не узнал, если честно, на этой схеме хорошо знакомых мест, которые так любил посещать в свободное время. У всех юных магов география любимый предмет после бытовой магии. Невольно вспомнился сферический купол магического иллюзиона, длинный ряд удобных кресел, висящий посреди огромный шар голубого тумана. Мгновенно бросающийся тебе навстречу, стоит назвать заданное учителем место, гору или реку. Нас забирали оттуда по вечерам учителя и матери, потому что так трудно вынырнуть из ощущения

заманчивой легкости полета над речками и рощами, прогулок над крышами городов и изучения пейзажей со шпиля какого-нибудь старинного храма.

Потому-то я не обращал никакого внимания на то, чему госпожа Айсора пыталась научить сидящих перед нею троих бастардов. Меня интересовала только моя воспитанница, но показывать этого ей я не намеревался. Нет, вовсе не считал, что Мэлин может возомнить себе какую-нибудь глупость… хотя от человеческих девушек всего можно ожидать. Просто желал, чтоб она как можно быстрее забыла о моем присутствии, привыкла к нему как к мебели и начала вести себя естественно, так, как было до моего появления.

Закончив рассказывать о рельефах и климате западной части королевства, Айсора задала несколько вопросов Степосу и Азирту, еще раз подробно объяснила те места, где они ответили неправильно, и объявила, что урок закончен. Меня так и подмывало спросить, а почему она не задала ни единого вопроса старшей ученице, но дети, сидевшие каждый за отдельным столом, дружно поднялись и направились в комнату отдыха. Следуя своему плану, я немедленно вышел за ними, хотя и заметил, что госпожа преподаватель желает со мной о чем-то поговорить.

Если желает, пусть дождется ужина, решил я. Она тут уже давно, и перспектива оказаться в холодной башне вместе с Гаником и проблемой, на что купить хлеба и студня, ей не грозит.

В комнате отдыха Мэлин не задержалась, прямиком пробежала в дамскую комнату, наивно полагая, что стены надежно скроют ее от меня. Но не зря же я сорок минут сидел неподалеку, с отстраненным видом черкая на листе собственные заметки, зашифрованные известным только мне кодом? Я еще успел повесить на нее несколько маячков и следилок. И если парочка заклинаний была из разряда общеизвестных и простых и их заметил даже Ренгиус, чуть приподнявший задумчиво бровь, то остальные были из моего личного арсенала, и заметить их смогли бы лишь магистры первой ступени. В результате мой резерв уменьшился еще, и довольно ощутимо, но я не жалел.

На войне как на войне, говорят люди. А еще они говорят, кто предупрежден – тот вооружен. И про то, что знание дороже денег, и еще что-то… Как ни странно, но разумно рассуждать они умеют. Вот только следовать этим рассуждениям получается далеко не у всех и далеко не всегда.

Я остановился неподалеку от входа в ту комнату, куда мне входить было непозволительно, и сердито фыркнул. И почему ее величество не наняла для Мэлин маглору? Та могла бы следить за пройдошливой ученицей даже в ее спальне. Хотя… Внезапно припомнив одну из висевших в шкафу мантий, подозрительно аккуратную и почти новую, я озадаченно выдохнул мгновенно ставшее уверенностью подозрение: а с чего, собственно, мне пригрезилось, что все наставники были мужчинами?

И раз так, меня не спасет даже неприкрытая слежка за нею, и не стоит верить собственным глазам. Начиная подозревать, что во время урока над военными планами трудился не один, я чуть сдвинул набок шапочку и провел рукой по волосам, словно поправляя их. Надо ли уточнять, что сдвинул я ее точно с той стороны, где, по моим представлениям, находилась бастарда, не желая слышать больше ничьих эмоций. И сразу забеспокоился: девчонка была дальше, чем это возможно, судя по обычному размеру подобных помещений. И не просто дальше, а еще и ниже. Я мгновенно включил все привязки и маячки и закрыл глаза, объединяя ощущения.

И едва не вскрикнул от неожиданности. Я стоял на узком, обледеневшем карнизе и упорно, пядь за пядью, двигался в сторону занесенного снегом балкона соседней комнаты.

Так вот что ты обдумывала, маленькая дрянь! – разозлился я так яростно, что бастарда почувствовала эту вспышку и плотнее прижалась к стене, видимо, упасть в сугробы вовсе не входило в ее планы. Как и в мои. Я решительно взял управление этим хрупким телом в свои руки, добавил ему гибкости и легкости, поддержал воздушной рукой – и повел назад, в так опрометчиво покинутое ею тепло. Довел до узкого окна, ухватился руками за подоконник, одним рывком перекинул тело через него и, подняв на ноги, крепко запер окно. А потом подвел к зеркалу и с превеликим удовольствием отвесил побледневшим от холода щекам пару пощечин.

И пусть кто-то попробует доказать, что это не она сама била себя за глупость.

– Что случилось? – Маглор Ренгиус не мог не засечь такой яркий выплеск энергии, и уже стоял рядом, заглядывая в лицо.

– Почему в тех помещениях, куда нельзя войти за воспитанниками, не стоят решетки на окнах? – почти прорычал я, и он заметно насторожился.

– Но они же не преступники…

– Вы уверены, что все?! – ядовито процедил я в ответ.

Слава святой пентаграмме, что не забываю обновить невозмутимость, иначе сейчас уже разнес бы в клочья что-нибудь из мебели. Мы не люди, которые, разозлившись или оскорбившись, начинают махать руками, дубинками, ножами разного размера и кричать друг другу оскорбления. У магов для таких случаев есть сила. Ну а чтобы не нанести кому-то серьезных травм, срываем раздражение на камнях и бревнах.

– Маглор Иридос, в чем дело? – Госпожа Нувилия ничего не поняла, но по нашим лицам заподозрила неладное. – Что-то с Мэлин? Мне пойти посмотреть?

– Не нужно, – буркнул я и понял, что прокололся, как ребенок.

И если преподавательница этикета еще недоуменно хлопала глазами, то Ренгиус уже нехорошо прищурился и очень мирным голосом предложил пойти помыть руки.

Разумеется, я поплелся следом. Он уже почти магистр первой ступени, теперь я хорошо разглядел, что на ногтях коллеги не хватало всего пары темных полосок. По истечении каждого прожитого в человеческих землях года проходящие испытание маглоры приходят к наблюдателю и получают этот важный знак. Каждый исполненный контракт тоже несут туда, за некоторые начисляется коэффициент. Когда на ногтях появится последняя полоска, наступает самый счастливый момент в жизни маглора. Это означает, что можно немедленно отправиться к порталу и вернуться домой, чтобы никогда больше не вспоминать этих мест.

– Покажите мне свой камень, – едва мы оказались в умывальной комнате, очень вежливо попросил коллега, и я неохотно исполнил его просьбу.

Мы вступаем в эти земли поодиночке и проходим испытание тоже в одиночку. Так требует профессиональная гордость и достоинство мага. Считается неприемлемым объединяться в компании или помогать друг другу. Ну разве только в самом крайнем или непредвиденном случае. Но и открывать свои способности перед коллегами мы тоже не спешим по той же причине. Чтобы никто не принял это за предложение союза или помощи.

Вот и я открыл свой именной медальон всего на секунду, чтобы тут же закрыть, выпустив сочно-фиолетовый лучик.

– Разве этого обо мне не сообщили?

Ну конечно, я лукавил, твердо веря, что сыщики королевы никак не могли знать обо мне таких подробностей, но ответ коллеги показал, что я их недооценил.

– Намекнули, что, возможно, что-то есть в этом роде, – не стал лукавить он и вдруг откровенно признался: – У меня защита и целительство… Так что она сделала?

– Шла по карнизу по направлению к балкону. Что там за комната?

– Карантин. Когда кто-то из детей заболеет или слишком расшалится, с ним сидят там двое воспитателей. Еще мы несколько раз использовали эту комнату для дополнительных занятий с Мэлин, она отстает по основным предметам от братьев. Идемте, пора.

Я и сам хотел предложить ему это, – мои сигналки донесли, что воспитанница прошла в кабинет, – потому лишь кивнул и первым вышел из умывальни.

На остальных трех уроках Мэлин сидела тихо и вообще вела себя как самая примерная девочка, так что к концу занятий коллеги уже посматривали в мою сторону с разгорающимся в глазах интересом. Но я даже на волос не верил, что в ней проснулось благоразумие, точно зная: в душе девчонки кипит обида и ярость. Пришлось скрепя сердце принять решение время от времени подслушивать ее эмоции, оттого я и был так уверен, что своего проигрыша Мэлин мне не простила. Хотя никто, кроме нас троих, ничего не понял и не заподозрил – ни в облике, ни в поведении бастарды не осталось даже намека на ее выходку. Едва обнаружив на ее щеках розовеющие отпечатки, Ренгиус

моментально бесследно убрал их, ни одним жестом или взглядом не дав понять, что догадался о причине такого подозрительного румянца. А ее мокрые туфли высушил я сам, решив, что значительно проще наблюдать за ней в классе, чем доверить это нелегкое дело сиделкам.

Перед обедом дети ходили переодеться в свои комнаты, и я вызвался следить за Азиртом, отправив с воспитанницей географичку. Конечно, я не ждал, что она немедленно снова полезет в окно, но больше не желал оставлять ее без присмотра даже на минуту. Однако все прошло гладко. Мэлин явилась на обед в нарядном платье и тщательно причесанная, и в первые полчаса, после того как мы сели за стол, я искренне считал, что она решила передохнуть и на время оставить свои выходки.

Но затем начал замечать, что ведет себя бастарда очень странно. Присмотрелся внимательнее и похолодел. Я точно знал, что подумают окружающие, наблюдая, как девчонка торопливо опускает глаза в тарелку, когда я на нее смотрю, и мечтательно вздыхает, изучая мое непритязательное лицо, стоит мне заняться едой.

В продолжение обеда я наблюдал за ее ужимками, просчитывал дальнейшее развитие событий и все больше приходил в отчаяние. Как всем известно, любая осада больше подтачивает силы и авторитет осажденного, чем осаждающего. Особенно любовная.

И если в первый час и первый день никто не поверит, что она способна в меня вот так, ни с того ни с сего, влюбиться, через день или два все перестанут смотреть на якобы влюбленную бастарду настороженно и недоверчиво. Через неделю привыкнут, а через две начнут ей сочувствовать, причем сначала служанки, потом камеристка, особенно если Мэлин догадается полить подушки соленой водичкой.

Следующая неделя привлечет на ее сторону все более-менее молодое население замка, в том числе мужчин. Все будут пытаться отгадать, что она во мне нашла и отчего я не отвечаю на ее взгляды.

И вот тут и есть тупик, куда сходятся все пути. Как бы я сейчас себя ни повел – строго, холодно, вежливо или безразлично, – все равно приду ко всеобщему осуждению. Кто-то скажет, что я жестокий сердцеед, а кто-то, что зазнавшийся

сноб, кто-то назовет лопоухим дураком, зря теряющим шанс, а кто-то – бесчувственной рыбой. Но в конце концов все будут за нее. Зрелище страдающей от любви юной девицы, как правило, пробуждает в людских сердцах романтическую сентиментальность.

И значит, изобретать уловки и бороться бесполезно, я все равно приду к одному. Сделав такой вывод, я принял непростое решение и затаился, догадываясь, что такая деятельная натура не сможет не попытаться ускорить события. Ведь бросилась же она в атаку, едва узнав о моем прибытии? Значит, хулиганке все равно, какой у нее будет наставник, она против любого.

Как показали дальнейшие события, я оказался прав в своих предположениях. Едва нам подали десерт (плотные, полупрозрачные кубики клюквенного киселя, залитые сливками), над моей тарелкой распустился чахленький иллюзорный тюльпанчик. Причем расцвел на уровне глаз, так, чтобы видеть его мог каждый из присутствующих.

Кто бы сомневался, что она пожелает как можно быстрее перетащить всех на свою сторону, фыркнул я, аккуратно отложил в сторону ложечку и произнес с благодушной назидательностью:

– Слабовато. Больше тройки поставить не могу. Во-первых, за нарушение главного правила: пока резерв не восстановился полностью, нельзя без особой нужды приступать к созданию нового объекта. Во-вторых, за несоблюдение пропорций и нереальный цвет. Цель иллюзии – полностью скопировать реальный предмет – не достигнута, никого, даже ребенка, этот цветок не обманет. Вот вчерашний лягушонок был вполне реален, даже на ощупь холодный и скользкий.

Я чуть заметно сморщился, словно припоминая эти ощущения, хотя лгал сейчас самым бессовестным образом. Мне просто захотелось проверить, сколько человек заметили вчера иллюзию.

Степос, с видимым удовольствием катавший во рту упругий кусочек десерта, нехорошо задумался, побледнел, стиснул зубы и, роняя стул и приборы, рванул из-за стола в сторону умывальни. За ним мчался Азирт, крепко прижимая ко рту ладонь. Побледнела и госпожа Нувилия, но ее я спас, послав заклинание. Сама Мэлин, хоть и перестала улыбаться, держалась довольно уверенно, и я решил добить воспитанницу. Как ни в чем не бывало добавил цветку яркости и

пышности, превращая в розу – свежую, полураспустившуюся, с крохотными бриллиантиками росы на атласных лепестках. Именно такую, при виде которой замирает душа любого существа, коему не чуждо чувство прекрасного. Полюбовался, добавил тонкий аромат и заставил медленно проплыть над столом прямо к госпоже Айсоре, восхищенно наблюдавшей за этим чудом. Кареглазая географичка, бывшая не менее чем лет на десять старше привлекающих мой взгляд женщин и фунтов на двадцать полнее, неожиданно вспыхнула румянцем, смутилась, похорошела и пролепетала слова благодарности.

А затем робко поинтересовалась, можно ли взять ее в руки.

– Разумеется, – учтиво улыбнулся я, приподняв шапочку, – неужели я осмелился бы подарить вам иллюзию?

На самом деле гораздо проще добавить в иллюзию чуточку воды или кусочек органических веществ, чем держать открытой подпитку объекта силой, и это знают все опытные маги. Вот и я, начиная перевоплощение созданного Мэлин тюльпана, незаметно для наблюдателей переместил в него валявшийся на блюде, где было раньше второе, увядший листик салата.

Девчонка полыхнула в ответ на мой фокус прямо-таки обжигающей ненавистью, но останавливаться на этом я вовсе не намеревался и потому снова обратился к ней, пользуясь тем, что за столом нас осталось всего трое. Айсора, прихватив розу, повела Вакринта в его покои, мыть руки и укладывать на послеобеденный отдых, а Шангор с Нувилией еще раньше отправились проследить за старшими мальчиками.

– А тебе, Мэлин, раз уж ты намерена развивать свои способности, пора заняться укреплением здоровья, выглядишь ты едва ли не на тринадцать лет, – въедливым тоном ментора объявил я, намеренно нанося удар по ее девичьему самолюбию. – И не нужно вздыхать и забрасывать меня русалочьими взглядами! Теперь каждый день перед ужином и завтраком ты будешь приходить в тренировочный зал, где Степос и Азирт учатся боевым искусствам, и заниматься бегом и гимнастикой. Одежда должна быть непременно мужская, обувь легкая и удобная. Предупреждать о наказаниях за отлынивание не буду, ты и сама все отлично понимаешь. А теперь вставай и иди одеваться. Что там у вас после обеда – прогулка? Значит, будем гулять.

После этих слов я решительно встал со стула и отправился в свою башню, обуть сапоги и посмотреть, чем там занимается моя вторая головная боль. Проверять, как Мэлин соберется на прогулку, остался подавший мне неприметный знак Ренгиус.

И если еще вчера я бы гордо задрал нос и отказался от этой помощи, то сейчас осознавал, что не стоит так уж буквально понимать негласные правила поведения маглоров в человеческих землях. Тем более что в боевые действия против меня выступил не торговец мясом и даже не королева, а непредсказуемо изобретательная одаренная. А это уже совсем иной уровень взаимоотношений. Все одаренные делятся на две неравные части. Первая большая, это те, кто относится к нам, как к более успешным или удачливым родичам и стараются быть поближе, чтобы научиться или получить помощь. И они всегда ее получают.

Но есть и те, кто, сообразив, что судьба их обделила, становятся по другую сторону крепостного рва, завидуют, злобствуют и всячески стараются отравить годы обязательной отработки. И если я сначала еще колебался, то теперь все упорнее склоняюсь к мысли, что Мэлин именно из этих черных завистников и пакостников. А против них не стыдно и воспользоваться поддержкой коллеги. Не постоянной, разумеется, упаси святая пентаграмма. Просто крошечной передышкой… В конце концов, маги тоже люди, хотя и с особыми умениями.

– Маглор Иридос, – в голосе попавшегося мне навстречу коменданта прозвучали уважительные нотки, каких еще сутки назад я там не замечал, – разрешите задать один вопрос.

– Разумеется, господин Догар, я вас слушаю.

– Это насчет вашего слуги, Ганимеда.

– А что с ним не так? – холодно поднял я бровь, отлично зная, что с Гаником «не так» может быть все, что угодно.

Но это мой слуга и разбираться, прав он или виновен, я намерен лично.

– Все в порядке. Я по другому вопросу. Можно узнать, почему вы приказали поварам, чтоб они не давали ему с собой еды?

– Ах это… – усмехнулся я снисходительно. – Все просто. Ганик из очень бедной семьи, в детстве голодал и у него нездоровое отношение к еде. Он может есть постоянно и потом страшно мучается желудком. А еще имеет привычку прятать мясо и пироги в кровать и шкаф, если не может съесть. Через несколько дней они протухнут, и в мою башню невозможно будет войти. Поскольку здесь хорошо кормят и я оставляю ему еду в буфете, пришлось запретить всякие пирожки. Впрочем, вы можете сами убедиться, если желаете. И кстати, у меня тоже есть просьба. Закройте решетками окно в женской умывальне, что находится возле комнат для занятий.

– Уже закрывают, – нехотя процедил он, – стражники видели, как она шла по карнизу. В ее комнатах решетки давно стоят, но нельзя же закрыть все? Тут не тюрьма.

Разговаривая со мной, Догар неотступно шел рядом, и не догадаться, что комендант решил проверить мои слова, не смог бы даже самый наивный хуторянин. А я хуторянином не был никогда и потому, еще при подходе обдумав, что для меня важнее, обида мальчишки или все же безопасность, выбрал второе. Извини, Ганик, но даже я не в силах догадаться, какой сюрприз ты однажды принесешь сюда вместо пирожка.

– Прошу, – распахнув дверь перед комендантом, я, не останавливаясь, стремительно прошел в комнату слуг и обнаружил именно то, что и надеялся обнаружить.

Паршивец валялся на кровати и что-то жевал.

– Господин маглор! – завидев меня, он метнулся к столу, намереваясь загородить спиной то, что там лежало, но я щелкнул пальцами и парнишка замер, как приклеенный.

Только скулы еще быстрее задвигались, торопясь прожевать контрабанду.

– Ганик, – с преувеличенной нежностью осведомился я, – что вам давали на обед?

– Суп, кашу с мясом и пирожки, – нехотя выдавил он, разглядев за моей спиной коменданта.

– Наливали суп в миски вы сами, сколько хотели?

– Да, – пригорюнился пройдоха, отлично понимая, к чему идет разговор, – но я только разок подлил.

– А кашу всю съел?

Он только понурился и несчастно вздохнул.

– И пирожки все, сколько смог?

– Так они же с вареньем, – попытался он донести до меня понимание значительности того, какая в пирогах начинка.

– Значит, ты съел и вторую порцию, – верно уяснил я намек, – тогда что ты тут жуешь?

– Так, сухарики… там на столе стоят, для супа, – печально признался Ганик и даже носом шмыгнул для убедительности. – Но мне никто не давал, я сам немного в карман насыпал.

– Отойди от стола.

Он засопел еще сильнее, но ослушаться не посмел.

– Вот, – указал я коменданту на кучку румяных сухарей, из-под которых предательски выглядывал подсохший кусочек окорока, – что я говорил. Ну, как наказывать будем?

– Может, мне забрать его? – подумав немного, деловито предложил Догар. – Например, помощником истопника, а к вам будет приходить один из лакеев, все равно убирают тут горничные. Истопник у нас человек серьезный, он не даст парню скучать. И за питанием присмотрит.

– Мне нужно это обдумать, – для вида поломался я, хотя отлично понимал, что это просто дар судьбы, без Ганика я смогу продержаться значительно дольше. – А где он тогда будет спать?

– Вместе с остальными слугами, там есть свободные места.

– Хорошо, я вечером сообщу вам свое решение, а сейчас мне нужно переодеться для прогулки.

И с этими словами я торопливо зашагал на второй этаж, старательно отводя взгляд от унылой рожицы Ганика и подбирая в уме доводы, какими буду пояснять, как выгоден для него такой поворот событий.

Глава 6

Гуляя по расчищенным от снега узким дорожкам и тренировочной площадке, я не столько следил за Мэлин, отлично понимая, что отсюда ей никуда не сбежать, сколько обдумывал сразу пять вопросов, объединенных одной общей темой. Темой с простым названием: как мне победить в этой негласной войне. Первый вопрос был из тех, которые, как говорится, я должен был задать еще вчера. Мне нужно было сразу же попытаться выяснить у коллег причину, по которой Мэлин так упорно борется против своих воспитателей. Но я его не задал, повинуясь все тому же негласному кодексу чести – раз учитель и отец сочли меня достаточно взрослым и обученным, чтобы отпустить на испытательный срок, значит, я и сам смогу справиться с любой ситуацией.

Вторая проблема была не менее важна, и касалась она отчета. Что и сколько писать королевским секретарям? И хотя я знал, что все присутствующие на обеде напишут о том, что видели, а о попытке девчонки устроить каверзу напишет комендант и командир взвода, и, возможно, даже кто-то из слуг, догадаться, насколько полно они коснутся этого происшествия и как далеко протянутся их догадки, пока не мог. И потому боялся не угадать. Написать меньше значило позволить заподозрить себя в невнимательности или, того хуже, в сочувствии, а написать слишком подробно, значит преждевременно раскрыть то, что я надеялся сохранить в тайне как можно дольше. Свои способности ментала.

Слишком хорошо я знаю из рассказов отца, как досталось ему из-за такого же дара. И шпионить заставляли, и супругов на верность проверять, и бандитов ловить, и на допросах присутствовать. Нет уж! Я на такое не способен. Все, о чем я мечтаю, – место мага в небольшом поместье, где хорошо кормят и не мешают заниматься исследованиями.

Третий вопрос касался Ганика, провожавшего меня на прогулку несчастным взглядом оставленной в лесу собаки, и это и смешило, и почему-то грело мне душу. Хотя не понимать, что пройдоха просто сразу просчитал, где ему меньше придется работать, я не мог.

Четвертой стояла проблема, как организовать придуманные мною тренировки таким образом, чтобы была польза для дела и не пострадала моя репутация.

Ну и последний вопрос касался самого главного: насколько я могу пользоваться помощью Ренгиуса, не рискуя потерять уважение к самому себе и веру в собственные силы?

– А какая погода в столице? – Госпожа Айсора остановилась рядом, пряча руки в пушистой черной муфточке.

– Вчера шел снег, – вежливо ответил я и счел, что имею право задать свой вопрос: – А вы всегда гуляете по очереди?

– Нет, Нувилия не любит снег и вообще в холодную погоду не гуляет. Зато она встретит Мэлин в детском зале.

– Как я понял, – решив хоть немного прояснить ситуацию, осторожно пробормотал я, – она тут недавно?

– Мэлин? – осторожно оглянувшись, переспросила Айсора, хотя можно было догадаться, что меня интересует вовсе не госпожа Нувилия, и очень тихо пробормотала: – Нет, ее привезли в начале осени. Ее бабка была ведьма… и очень хорошо прятала девчонку.

– Вот как, – невольно вырвалось у меня, и я крепче стиснул зубы, неимоверно сожалея, что не сумел сдержаться.

Но кто же ожидал такого поворота! И теперь становилось мало-мальски понятно все то, что я никак не мог раньше объяснить логически.

– Да, – подтвердила географичка так же тихо и тут же заговорила громче и оживленнее: – Но такая погода редкость для здешних мест. У нас вообще весна наступает на месяц раньше, чем там, вот увидите, через недельку придут теплые ветры и сгонят снег за пару дней.

– Мечтаю увидеть, – кивнул я, сразу сообразив, отчего она повысила голос. К нам приближались Степос и господин Траниг, лично следивший на прогулке за воспитанником.

На самом деле я мечтал прожить тут хотя бы эту неделю и не остаться без мантии и с огромным долгом на шее.

– Пора в дом, – добродушно сообщил Траниг, – сегодня Шангор обещал нам рассказать про историю разлома.

Я кивнул с самым благожелательным видом. Бесцельное фланирование по площадке утомило, и лучше сидеть в комнате и слушать рассказ историка, хотя историю великого разлома знаю наизусть, и это вовсе не официальная версия, какая принята в королевстве.

В башне меня встретили следы кипучей деятельности Ганика. Пол гостиной был в сырых пятнах, доказывающих, что слуга пытался его вымыть, стулья составлены в углу, а сверху доносился топот и шум.

Не стараясь особенно скрываться, я поднялся в свою спальню и обнаружил, что мальчишка уже разобрал багаж и повесил все вещи в шкаф, и теперь усердно собирает метелкой несуществующую паутину по углам потолка.

– Достаточно, Ганик, – устало произнес я, – ты уже разогнал по комнате всю пыль.

– Я сейчас еще пол помою, – деловито пообещал парнишка, отворачиваясь, но в его голосе неожиданно что-то дрогнуло, заставив меня с досадой стиснуть зубы

и приподнять шапочку.

Святая пентаграмма! – растерянно охнул я про себя в следующий момент, шлепаясь на ближайший стул, и слуга тут же воспринял это как указание к действию – быстро снял с меня сапоги и подал домашние туфли. А потом заглянул снизу вверх мне в лицо и отчаянно пробормотал:

– Маглор Иридос! Не выгоняйте меня, пожалуйста. Я не буду больше таскать сухари, и пирожки тоже. Я же понимаю…

– Ганик, – мне перехватило горло от неожиданной глубины его отчаяния, но сдаваться я не желал, – но ведь вместе со слугами тебе будет веселее? Тебе же скучно сидеть тут целый день одному? И в столовую ты сможешь ходить почаще, как только захочешь поесть. К тому же я тебя вовсе не выгоняю, ты так и остаешься моим слугой, и если я отсюда уеду, ты сможешь вернуться со мной. Зато, когда ты с ними, я могу не бояться, что эта девчонка, Мэлин, подсунет тебе какую-нибудь гадость. Она ведьма, Ганик, и уже выкинула отсюда четырех маглоров. И меня пытается выжить, а я пока вовсе не желаю возвращаться в ту башню.

Я вздохнул и смолк, истово ругая себя, что сказал вслух то, чего вовсе не собирался никому говорить еще четверть часа назад. Но слишком уж меня ошеломило искреннее огорчение, почти горе, охватившее его душу.

– Слуги говорили, – подтвердил Ганик неожиданно, – что жалко им вас. Такой молодой и вежливый, не то что те зазнайки, – подражая чьему-то женскому голосу, по-бабьи вздохнул он, – жалко будет, если эта злыдня его проведет.

– Вот как, – в моей голове повернулась картинкой вверх еще одна карта, – значит, они все видят.

– А как же, – кивнул Ганик и, движимый собственной выгодой и страстным желанием остаться моим слугой, предложил: – А давайте я буду к ним ходить помогать, а вечером возвращаться домой… ну, сюда, и все рассказывать? Будет это… моя работа.

– Я как раз нашел тебе еще задание, – внезапно само пришло решение еще одного вопроса, – будешь утром и вечером ходить на тренировку. А в остальное

свободное время помогать истопнику. Здесь можешь не мыть, горничная уберет.

– Ладно, – обрадовался он, – а коменданту мне самому все сказать?

– Скажи сам, – кивнул я, – но метлу из моей комнаты забери.

– Ага, – уже занятый своими планами, Ганик схватил метлу и ринулся к выходу, – тогда я побежал, там сейчас чай будет.

– К половине восьмого придешь к тренировочному залу, что на первом этаже, – крикнул я ему вслед. Затем сунул ноги в ботинки – пора было идти в комнату отдыха.

Пока Шангор очень красочно и художественно рассказывал обществу совершенно неверную теорию об истории великого разлома, я сидел в уголке и сочинял ежедневный отчет, не забывая приглядывать за эмоциями своей воспитанницы. На мое удивление, они были довольно спокойными, но это вовсе не радовало. Наверняка оставила попытки одолеть меня нахрапом и изобретает новый долговременный план. И вот это поистине смертельно опасная вещь, особенно в исполнении хитрой и находчивой ведьмы.

Тем более что она пока и от прежнего намерения не отказалась, и время от времени бросала в мою сторону влюбленные взгляды. Не испытывая в эти моменты совершенно никаких нежных чувств.

Воспитателей после прогулки осталось четверо, вместе со мною. Кроме меня и Шангора присутствовали Траниг и Баркент, наставник Азирта, сухощавый мужчина лет пятидесяти на вид, преподающий бастардам математику. Вернее арифметику, никто из троих старших внебрачных детей короля пока не выказал никаких особых талантов к точным наукам. Он тоже что-то писал во время рассказа историка, и когда я проходил мимо, обнаружил, что это столбцы чисел и значков, похожие на вычисления вектора для расчета силы и направления действия пентаграммы.

– Пора пить чай! – Госпожа Нувилия появилась в дверях ровно в пять, и мы смиренно перебрались в столовую.

Неспешно отпивая душистый чай и откусывая рассыпчатое печенье, я постепенно начинал понимать, почему воспитатели так держатся за свой график и за возможность остаться в собственных покоях. Все, кроме, пожалуй, Нувилии. Слишком уж утомляет однообразие здешней сытой и удобной жизни по строгому расписанию.

После чая детям позволили часок поиграть и заниматься своими делами, потом пришел Догар Саридж и увел старших мальчиков на тренировку. Как мне объяснили, комендант крепости лично учит их владению мечом.

– После семнадцати лет их обучат через кристалл одному из языков и отправят в составе посольств в восточные племена, – пояснил Траниг, когда Нувилия ушла с Мэлин в ее покои. Приближалось время назначенной мною тренировки.

– А разве это не опасно?

– Восточные ханы имеют по нескольку десятков сыновей и считают для себя оскорблением, если вести с ними переговоры приезжают дипломаты из самых знатных родов. Но поскольку у королевы всего двое собственных детей, эти мальчики для нее просто выход из положения. Самый старший из бастардов, Ютжер, уже второй год живет где-то в Хинсарских степях.

– А Мэлин? – с наигранной небрежностью забросил я удочку, но вытащил пустышку.

– Ее величество своих планов насчет нее нам не сообщала, – сразу охладев к разговору, буркнул Траниг, – и тише добавил: – Но они, несомненно, есть.

Еще бы не быть, – провожая взглядом собеседника, направившегося к маленькому Вакринту, чтобы помочь в строительстве башни из кубиков, шипел я про себя, тихо свирепея. Если бы у нее их не было, четверо маглоров не влипли бы в расставленные юной ведьмочкой ловушки и не бежали бы одним из тех позорных способов, какие ненавидит каждый уважающий себя мастер.

– Мэлин готова, – заглянула в дверь Нувилия. И вдруг предложила: – Можно я посмотрю на тренировку?

Отказывать я не стал, кивнул все с той же великодушной улыбкой – последствие использования почти не снимаемого мною заклинания невозмутимости, за которое уже почти презирал себя.

– Прошу. – И первым направился к лестнице, мстительно мечтая, чтобы бастарда кинула в меня хоть чем-нибудь.

Чтобы не так обидно было за вынужденную меру не снимая носить отражающие щиты.

Но она топала молча и не проявляла никакого желания исполнять мои скромные мечты. И подозреваю, вынашивала в ответ нечто гораздо более кровожадное. Ну и ладно, пусть немного помечтает, мне даже лучше. Приятнее будет разрушать их в пыль.

Возле двери в тренировочный зал нас ждал Ганик, и не один.

– Маглор Иридос, – вежливым кивком встретил меня комендант, – Ганимед сообщил, что вы намерены вести занятия для повышения физической выносливости вашей воспитанницы?

– Верно, – кивнул я, – перед завтраком и ужином, пока по пятнадцать минут. Надеюсь, вы не возражаете?

– Напротив. И буду благодарен, если вы будете столь любезны, чтобы по утрам приглашать и старших мальчиков.

В переводе на язык деловых отношений это звучало как предложение дополнительной оплаты, и потому я не стал отказываться.

– Договорились.

Он отпер дверь, и я первым вошел в зал. Огляделся. Пусто, просторно, ничего лишнего. Деревянный пол посыпан толстым слоем опилок, у стены пара скамей, в углу запертая клетушка с оружием, рядом умывальник.

– Задание первое. Обежать зал по периметру три раза! – проводя на стене светлую черту, объявил я. – Вот начало. Торопиться не нужно, важно не время, а дыхание. Ганик, понял? Запыхаешься, значит, не справился. Мэлин, ты первая. Вперед!

– Если я побегу, то запыхаюсь.

Ну надо же, ведьма вступила в переговоры!

– А если не побежишь, мне придется тебя наказать, – широко улыбнулся я.

– И как? – не менее лучезарно улыбнулась она.

– Я расскажу тебе потом, при маглоре Ренгиусе, – злорадно пообещал я и снисходительно пояснил: – Здесь находится госпожа Нувилия, а она не заслужила такого испытания. Да и господин Догар и Ганик тоже.

Мэлин ударила меня ненавидящим взглядом и нехотя потрусила к стене. Похоже, начинает понимать, что я вовсе не намерен ни уступать ей, ни считать таким уж несчастным существом. Слишком хорошо ей живется, и слишком заботятся все вокруг о ее благополучии, чтобы я не вспоминал про девчонок-подавальщиц в дешевых забегаловках на рыночной площади и о юных танцовщицах в балаганах.

– Ганик, ты следишь за дыханием? – едко окликнул я слугу, сразу обошедшего Мэлин и бежавшего уже второй круг. Он снова неуклонно нагонял ведьмочку, и я тут же ввел поправку к правилам: – Можешь особо не спешить, обгонять в этой тренировке никого нельзя, поэтому первый круг не засчитан.

– Вот еще! – недовольно забурчал парнишка. – И что, я так и буду полчаса тащиться за этой…

Больше он ничего добавить не успел, я мигом закрыл слишком болтливый рот Ганика кратким заклинанием, но ведьма полыхнула злостью и побежала еще медленнее.

– Надеюсь, вы не считаете, госпожа Мэлин, – вежливо осведомился я, – что будете бегать тут до утра? Как только время выйдет, мы отправимся ужинать. И обещаю, все узнают про твои исключительные успехи.

– А что нам еще делать, когда добежим? – Слово «ужин» включило в Ганике скрытые способности к логическому мышлению, и он тут же воспользовался обретенной возможностью говорить.

– Десять раз медленно присесть с вытянутыми вперед руками и десять раз прыгнуть на одной ноге, поджав другую, потом столько же на второй ноге. Все.

– А можно я буду приседать, пока она телепается?

– Можно, но тебе, как парню, приседать в два раза больше. И постарайся разговаривать вежливо, за каждое слово буду добавлять пять приседаний.

– Понял, – недовольно фыркнул Ганик, вытянул руки и, считая вслух, начал неторопливо приседать.

Ведьмочка, рассмотревшая его старания от соседней стены, только ехидно ухмыльнулась и даже не подумала прибавить шаг. Но Ганик, не знавший в свои пятнадцать лет, что мужчина обязан быть учтивым с женщинами любого возраста и сносить от них все каверзы, и не умевший еще никому из девчонок прощать подлостей, отомстил ей от всей души. Едва Мэлин приблизилась, начал приседать медленнее, и пока не досчитал до двадцати, ведьмочке пришлось топтаться на месте. Зато потом парнишка легко ушел вперед, догнал ведьмочку и, пробежав за ней с четверть круга, пока успокоил дыхание, остановился и начал прыгать на одной ножке. Занятая своими мыслями Мэлин слишком поздно поняла, что ей теперь никаким образом его не догнать, и не торопилась бежать, но ей все равно снова пришлось топтаться на месте, пока он закончит прыжки. А потом Ганик неторопливо побежал впереди, сияя довольной рожицей почти так же ярко, как сияла его промытая дармовым замковым мылом рыжая шевелюра. Теперь вредная девчонка почти плелась, но едва добежав последний круг и остановившись, чтобы делать приседания, услышала мою равнодушную команду:

– Стоп. Занятия закончены. Идите умываться, и на ужин.

– Но я все успел, – радовался Ганик, но мне пришлось его огорчить.

– Нет. Тебе не хватило нескольких шагов. Нужно было добежать до черты, а время кончилось чуть раньше.

– Но это же из-за нее!

– В этом и смысл совместной тренировки, – снизошел я до туманных пояснений.

Объяснять подробнее не стал, пусть делают выводы сами. В конце концов, у них голова на плечах не только для того, чтобы кусать пироги. Зато мне, пока они бегали, пришел в голову замечательный план, как добыть немного секретных сведений, и я намеревался утром привести его в исполнение.

Но враг ударил первым. Вернее, попытался ударить.

Хотя сначала все шло хорошо, просто отлично. Переодеваться к ужину моя воспитанница не захотела, сидела за столом спокойно, нежных взглядов не отпускала, недостатком аппетита не страдала. Воспитателей к ужину, кроме меня, пришло шесть человек, не было только музыканта. Но я нисколько не сердился на них за такое нарушение собственного графика, хотя отлично понимал, что все явились поглазеть на меня и бастарду.

Слишком мало в здешней размеренной жизни развлечений, вот и делают ставки, сколько выстоит маглор против происков юной ведьмы, и не упускают случая полюбоваться и позлорадствовать, если магу все же удастся выстоять, да еще и прижать ведьме хвост.

Что с них взять, люди.

Но я сегодня чувствовал себя победителем в хоть и маленькой, но стратегической стычке характеров, и потому вел себя точно так, как ведет себя любой победитель, был снисходителен и щедр на учтивые улыбки. И доигрался, прозевал ответный удар.

И хотя наше время закончилось, и гувернеры уже увели детей в спальни, нацелен он был прямиком в меня.

– Вы еще не жалеете, Иридос, что не вступаете в нашу маленькую игру? Вы могли бы уже складывать в кошель выигрыш, – снова подступился ко мне Траниг, и в этот момент сработали сразу три мои сторожки, стоявшие на Мэлин.

Я вскочил, метнулся к двери и почти столкнулся с Ренгиусом. Значит, он тоже следит, промелькнула где-то на краю сознания мысль, но она была вовсе не главной. Главным были отчаяние и боль, и я, ни на миг не сомневаясь, прибавил скорости.

В зал, где уже сидел гувернер малыша, я ворвался как вихрь и, не останавливаясь, ринулся в комнаты Мэлин. Пролетел небольшой будуар, ворвался в спальню, где гувернантка взбивала подушку и, оттолкнув ее с дороги, ударил плечом в дверь дамской комнаты. Она оказалась крепко заперта, но сейчас я не собирался ни останавливаться, ни экономить силу.

Рука привычно начертила на дубовой доске знаки заклинания полного развеивания, легкий щелчок добавил силы, и дверь бесшумно осыпалась щепоткой серого праха.

– Я лекарь, – решительно отодвинул меня догнавший Ренгиус, но я не сдался, и в комнатку мы втиснулись вместе.

Мэлин сидела в тесном уголке за ванной, накрепко привязанная поясами к трубам и уже не шевелилась, но жизнь еще еле ощутимо билась в ее теле, и потому я снова пожертвовал частью резерва, бросая распутывающее заклинание. Маглор решительно шагнул в ванну, перегнулся через бортик и вытащил девчонку на свет.

– Яд, – выдохнули мы одновременно, едва заметив на губах характерную зеленоватую синеву, и дальше действовали так слаженно, как действуем в подобных случаях на родине.

Промывали желудок водой с зельями и чистили магией кровь. А затем добавляли жизненной энергии, согревали грелками ноги закутанной в несколько одеял девчонки и поили ее теплым молоком.

И наконец, поверив, что все удалось, бросили в бастарду заклинание целебного сна и без сил рухнули рядом в принесенные перепуганной гувернанткой кресла.

– Где она могла его добыть? – пробурчал я единственный интересовавший меня вопрос, не обращая внимания на спящую пациентку. Она теперь до обеда не проснется.

– Сама изготовила. Основной ингредиент где-то хранила, остальные достала под разными предлогами. Например, капли марники я сам давал, от бессонницы.

– Какая бессонница в ее возрасте, – вздохнул я и понял, что это прозвучало упреком. – Извини, я не так выразился. Она отличная артистка, если бы меня так не поймали контрактом, не стал бы связываться.

И то, что я это сказал, было больше, чем просто извинение. Маглорам рассказывать про свои проблемы в человеческих землях непозволительно.

– Ты хорошо держишься, – тихо произнес он, – они все сдавались раньше. Некоторые практически в тот же момент, как входили в крепость. Не обижайся на Транига, он просто хочет всучить тебе немного денег, мы все понимаем про контракт.

– А я ни на кого не обижаюсь, – хихикнул, не выдержав, – я под заклинанием невозмутимости хожу. Как прочел контракт, так и бросил. А то бы уже что-нибудь поджег. У меня вторая стихия огонь.

– А у меня защита, – чуть уныло повторил Ренгиус то, что уже один раз говорил. – Теперь тут ничего не горит.

– Попробуем? – проснулся во мне дух экспериментатора.

– Не стоит, и так потратились, – фыркнул он насмешливо. И вдруг решился: – У меня к тебе две просьбы.

– Давай, – коротко кивнул я, понимая, как непросто ему дались эти слова.

– Не отказывайся от моего подарка и не дари роз Айсоре.

– Прости, не знал. Больше не буду. Просто хотелось немного уколоть девчонку, а если бы подарил розу Нувилии, она бы не поверила.

– Вот, – протянул он на раскрытой ладони маленькую серебряную коробочку, – возьми.

– Ренгиус, но ведь это…

– Не спорь. У меня еще есть, это не последние. И мне осталось меньше года. Здесь по контракту один идет за два.

– Спасибо. – Я взял контейнер с накопителями и тщательно спрятал, даже не пытаясь ничего предлагать взамен.

Здесь, в человеческих землях, они были такой ценностью, какой не купишь ни за какие деньги.

Мы посидели еще немного, пока в спальню тихонько, на цыпочках, словно боялась кого-то разбудить, не вошла гувернантка и не прошептала с неподдельной почтительностью:

– Идите отдыхать, господа маглоры, я прослежу за ней.

– Я сегодня отсюда не уйду, – отказался я, но Ренгиус этого рвения не поддержал.

– Она не проснется, а вам нужно поспать. Идите, Иридос, не беспокойтесь.

Действительно, чего я волнуюсь? Ведь могу следить и по сигналкам, после того как лечил ее и чистил кровь, они укрепились, словно мы были родственниками. Забавно, конечно, но когда имеешь такого непримиримого врага, похоже, это самый выгодный вариант. И я больше не стал спорить, встал с кресла и пошел в свою башню, сухо пожелав спокойной ночи коллегам, толпившимся в зале вместе с гувернерами.

Пусть Ренгиус им объясняет, что произошло… если захочет.

Глава 7

В башне сначала удостоверился, что переживший довольно бурный день Ганик уже спит. Затем дописал несколько строчек в отчет, отправил его с магическим вестником и только после этого, убедившись, что все сторожки и сигналки на месте, лег в постель. Усмехаясь над мыслью, что параноиком, похоже, все-таки стал.

Однако до утра ничего так и не случилось, а проснувшись и подняв Ганика на тренировку, я вдруг понял, что во мне созрел протест против такого положения дел, в которое я поставлен. До сих пор я был игрушечным солдатиком, которого хозяева игры поставили на свободное место и приказали удержать его всеми силами. И я держал, придумывая способы и предугадывая атаки врага. Но больше не хочу.

Маглор я или кто? И пусть после разоблачения Хангерса все мы живем, подчиняясь правилам пакта, там нигде не сказано, что обязательно нужно быть безответными ослами, на которых и воду возят, и поле пашут. План, вернее его набросок, родился сам собой, и пока я тащил полусонного Ганика к тренировочному залу и посылал лакея поторопить старших мальчишек-бастардов, я все обдумывал его и наращивал мясо на тощий скелет. А проведя тренировку и отпустив слугу и бастардов умываться, чинно прошествовал в столовую, уже почти точно зная, как поступлю.

На завтрак воспитатели явились в полном составе, и это заставило меня не напрячься, как непременно произошло бы раньше, а развеселиться. Ну что они, как дети маленькие, начинают беспокоиться? Неужели считают, что я выдам их столичным чиновникам? Святая пентаграмма, неужели можно быть настолько наивными! Да там все давно всё знают, сложили по их же отчетам. И считают нормальным, иначе давно нашли бы других. Если бы еще было, где и среди кого выбирать.

– Траниг, – сказал я вполне серьезно, с укоризной глядя на самого общительного воспитателя, – я очень тронут, что вы так близко к сердцу приняли мои проблемы с воспитанницей. Но право, не стоило ради этого отказывать себе в заслуженном отдыхе. Я отлично понимаю, как это трудно – изо дня в день жить по расписанию. И вовсе не желаю быть причиной ваших дополнительных

неудобств.

– Мы не поэтому, – откровенно обрадовался он тому, что я начал разговор первым, – просто хотели вам сказать, точнее, спросить… Вы ведь не решили уйти?

– Нет, – коротко фыркнул я, слегка покривив душой, – даже в мыслях не было.

Дверь в столовую открылась, гувернеры привели умытых мальчиков, и разговор прекратился сам собой. А после завтрака я не пошел на урок, как обычно, а сообщил, что намерен дежурить возле воспитанницы, и направился к спальням.

– Я с вами, – решилась Айсора, но я не позволил.

– Нет. Я сам справлюсь, к тому же там ведь сидит камеристка? Займитесь своими обязанностями.

Она поджала губы, а я резко отвернулся и, не остановленный более никем, пошагал выполнять свой план. Основанный на том простом умозаключении, что своим уходом из жизни Мэлин ставила под удар не только меня, а еще и Ренгиуса, камеристку и даже коменданта, не говоря о тех моих коллегах, кто оставил в шкафу свои мантии. Ведь именно затем все они тут жили и проедали королевские деньги, чтобы бастарды были живы, здоровы, обучены и защищены.

Абстрактные рассуждения, намеревалась ли девчонка действительно распрощаться с жизнью или все же надеялась, что мы успеем ее спасти, я решительно отбросил как бесполезные и излишние. Все равно эта правда никогда не откроется, да она, по сути дела, никому и не нужна. Вступая на такой опасный путь, разумный человек неизбежно понимает, что доверяется случайности. И должен быть готов к худшему варианту развития событий. Ну а про неразумных мне и думать не хочется, им я все равно помочь не в силах.

Камеристка дремала в своем кресле, но при моем приближении встрепенулась, сделала вид, что просто задумалась.

– Маглор Иридос, – шепнула и боязливо оглянулась на Мэлин, – спасибо вам. И простите, я ведь сначала не поняла…

– Никто бы не понял, не извиняйтесь, – отмахнулся я, – найдите себе одеяло и ложитесь спать в будуаре, я здесь посижу. Дверь можете оставить открытой. А вот свечу переставим, я захватил книжку.

И я действительно достал из кармана маленький походный томик рецептов, который знал почти наизусть.

– Хорошо, – подумав, согласилась она, – но если она проснется, сразу будите меня.

– Обязательно, – бессовестно солгал я, не только не собираясь ее будить, а наоборот, решив добавить в естественный сон немного крепости, чтобы добрая женщина не смогла помешать моему плану.

И немедленно исполнил свои намерения, едва она, поворочавшись, засопела глубоко и ровно.

А потом поставил на входные двери сигналки и совсем уже приготовился будить воспитанницу, как в руки упало послание. Надо будет спросить Ренгиуса, постановил для себя я, раскрывая конверт, часто ли королевская канцелярия присылает ответы на отчеты воспитателей, и углубился в чтение письма.

А еще через четверть часа, перечтя послание еще раз и осознав значимость происшедших в моем статусе перемен, зачаровал его и бережно спрятал во внутренний карман. С этой минуты мое жалованье увеличивалось вчетверо, а каждый год службы шел за три. Теперь мне позволялось применять к воспитаннице все меры воздействия и наказания, какие я сочту нужным, а также устроить ее быт и распорядок дня по собственному разумению, исходя из одной только цели – защиты девчонки от ее собственных проделок.

– Мэлин, – пробудив бастарду ото сна, – произнес я строго, – можешь открывать глаза. Ты жива и невредима, с чем я нас всех и поздравляю.

– Зачем? – невольно помогая мне, хрипловато буркнула она и уставилась горьким и несчастным взглядом.

– Я все объясню, – не поддаваясь эмоциям, сообщил я хладнокровно, – и подробно. Но сначала можешь сходить умыться. Правда, двери в ванную пока нет, мне пришлось ее уничтожить, но я подожду в будуаре. И предупреждаю: одно твое неправильное движение, и ты будешь умываться в моем присутствии. И разумеется, под принуждением. Идти у тебя на поводу я больше не намерен. А как умоешься и выпьешь вот это снадобье, я все тебе объясню по пунктам, как маленькому Вакринту, иначе до тебя это не дойдет никогда.

Она стиснула зубы и решительно отбросила одеяло. Я холодно ухмыльнулся и, неторопливо поднявшись с кресла, так же спокойно вышел в будуар. Можно подумать, меня можно там чем-то смутить или поразить. Даже смешно. Да вчера, пока мы промывали ей желудок и переодевали в эту самую рубаху до полу, в которой она сейчас сидит на кровати, могли вдвоем досконально рассмотреть все, что так интересует в женщинах парнишек в возрасте Ганика. Только говорить этого я ей не стану, ведьмочке и так скоро будет за что меня ненавидеть.

О том, что она вернулась в спальню, мне подсказали сигналки, и я немедленно сел в свое кресло. Проследил, как она выпила отвар целебных трав, куда был добавлен мед и капелька особого зелья, подождал, пока устроится на кровати и прикроет ноги одеялом.

– Так вот, – проговорил с нажимом, холодно глядя ей в глаза, – хочу пояснить то, что ясно всем, кроме тебя. Раз уж ее величество решила, что ты должна жить здесь и учиться, можешь быть уверена, она своего добьется. Она очень хорошо умеет это делать и доказала это еще тридцать лет назад, обойдя всех соперниц на законное место рядом с твоим отцом.

Ее лицо перекосила презрительно-злая ухмылка, но я не обратил на эту гримасу ровно никакого внимания.

– Тебе, наверное, кажется, что все воспитатели – ее доверенные люди и прибыли сюда по собственной воле.

– А разве нет? – с ненавистью процедила Мэлин.

– Конечно нет. Например, меня заманили обманом, сообщили, что у королевы есть важное задание, и тайком провезли через портал. А когда я вскрыл

конверт, то выяснил, что контракт считается действительным с момента, как я сел в возок. Но речь пока не обо мне. И даже не о тех несчастных маглорах, кто сбежал отсюда, теряя много больше, чем оставленное имущество. Речь идет об остальных воспитателях, коменданте и гувернерах. Я уверен, что большинство этих людей просто получили приказ и даже не знали, как и я, в какую сторону их везут.

– Но ты же знал про портал, еще слуге говорил в первый день!

– В тот момент я как раз получил объяснение коменданта и сопоставил все сведения. В отличие от тебя, я умею рассуждать здраво. Но даже не в этом дело. А в том, как ты относишься к людям. Никто из тех, кого приставила к вам королева, не сделал тебе ничего плохого. Наоборот. Старательно охраняют, кормят, убирают, стирают, учат и лечат. И еще терпят твои выходки, а ты всячески добавляешь им беспокойства и заботы. Вот вчера несколько стражников поднимали по промерзшей стене тяжелую решетку, стоя на обледенелой лестнице, на ветру и морозе долбили дыры в камне, закрывали окно, чтобы одна безрассудная девчонка не решила снова играть в отважную мстительницу. Но не подумала своей пустой головой, что мстит вовсе не тем. Не мы тебя сюда сажали, не мы все это затеяли. Все мы, если рассудить справедливо, тоже жертвы. Да, не смотри так язвительно. Несмотря ни на что, мне тут не нравится, а воспитывать тебя нет никакого желания. Но, отказавшись от контракта, я должен буду оставить здесь свою зачарованную от дождя и жары мантию и выплатить огромную неустойку, на которую должен работать несколько лет, ведь кроме долга я еще и кушать что-то должен, и за жилье платить. Но самое главное, расторгнутый контракт сразу перечеркивает мой стаж отработки на людей! И хотя я прожил тут лишь чуть больше полутора лет, начинать отработку с нуля не имею никакого желания. А вот все они начали – те четверо маглоров, чьи мантии немым укором висят в моем шкафу. Потому что пожалели тебя или не захотели с тобой объясняться – не знаю. И знать не хочу. Я все решил для себя и объявляю тебе это решение: отныне я буду спать вон в том будуаре. На двери между этими комнатами не будет никакого запора, и на двери ванной комнаты тоже. Их сегодня снимут с дверей всех комнат, куда ты можешь войти. Слишком много магии тратится на развеивание. И никаких возражений или пояснений я с этой минуты не намерен выслушивать. Ты первая объявила мне войну, и я принимаю вызов. Кстати, ходить без меня гулять или куда-либо еще тебе тоже запрещается. Также меня не беспокоит, будешь ли ты строить из себя влюбленную овечку или нет. Могу сразу сообщить, ты все равно не в моем вкусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chirkova_vera/mag-dlya-bastarda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить